Смерть знала их по именам:

Квинтет Пряди

18+

Алексей Стопичев

Алексей Стопичев

Квинтет Пряди. Книга 1

«Автор»
2026

Стопичев А. А.

Квинтет Пряди. Книга 1 / А. А. Стопичев — «Автор», 2026

В мире Пекатум появилось Зло, ползущее из разлома, прозванного Прядью. И Зло побеждало, пока на пути тварей не встали пятеро воинов, прозванных сказителями Иными или Всадниками. Кто они - благословенные или проклятые? И какие тайны хранятся в их прошлом? Тайны, которых ужасаются даже твари из Пряди...

© Стопичев А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Прядь 5
Пролог 5
Глава 1. Я – новобранец 7
Глава 2. Квинк 10
Глава 3. Искатели 13
Глава 4. Стеклянный волк 16
Глава 5. У Пряди 19
Глава 6. Нападение 22
Глава 7. Битва за форпост 25
Глава 8. Четверо 28
Глава 9. Рекс 31
Глава 10. У Пряди 34
Глава 11. Сражение с кукловодами 37
Глава 12. Не всё так просто 40
Глава 13. Сарисса 44
Глава 14. О балах и не только 47
Глава 15. Тьма опустилась на Рубердонум 50
Глава 16. Пять всадников 53
Глава 17. В оазисе 56
Глава 18. Сражение в пустыне 59
Глава 19. Нечто 62
Глава 20. Изваяние 65
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Алексей Стопичев
Квинтет Пряди. Книга 1

Часть 1. Прядь

Пролог

Весна уже вступала в свои права, и я понимал, что если хочу успеть в Альбусурб до конца набора новобранцев, то нужно торопиться. В последней декаде третьего месяца набор заканчивался, и после этого попасть на границу в качестве приграничника уже не реально. Лишь ждать следующего набора, да подвизаться в вольных дружинах или отрядах безумных искателей. Я лениво встал из-за столика, положил серебряную монету на стол и пошёл во двор, заметив, как следом, переглянувшись, потянулась сомнительная компания. Люди не меняются, особенно здесь, в приграничье. И алчность делает их до необычайности глупыми.

Нет, костюм на мне был совсем недорогой. Да и кошелёк достаточно тощий – это незнакомцы успели разглядеть. Но вот конь мой, которого я собирался продать уже в Альбусурбе, для этих негодяев стоил целое состояние. Настоящий меридинский жеребец по прозвищу Чучело был по карману не каждому дворянину в этом захолустье. Хотя, этот факт заставил бы задуматься многих – откуда у небогатого с виду мужика такое сокровище? Но эти пятеро явно не обучены оказались думать, что и подтвердили, вывалив толпой из харчевни и сразу же направившись ко мне. Видимо, боялись, что успею вскочить в седло и ускакать, оставив их без хорошей добычи.

Я успел проверил подпругу, когда компания подошла ко мне. Встали бестолково, неграмотно, столпившись овечьей отарой. И тот, что вышел вперёд, облизал свои губы и проговорил максимально развязно, пытаясь умерить свой страх:

- Куда едешь, земляк?

Спрашивающий мужик, длинный, с торчащим кадыком и неопрятной бородой был неопытен в разбойных делах. То ли идея ограбить меня пришла этим пятерым спонтанно, то ли совсем недавно начали заниматься неблагодарным занятием. Впрочем, в приграничье, в отличие от центра страны, грабёж считался обычным делом. Поди разберись, куда делся одиночка. В Пряди столько искателей приключения пропадало, что ни один коннетабль не разберётся. Да и не было здесь коннетаблей. Лишь стражи, дружинники баронские, да пограничники.

Я посмотрел на всю компанию, провёл рукой по подпруге, похлопал Чучело по тёплому боку и опустил ладонь вниз, под седло, где пальцы нащупали прохладную рукоять моего меча. Меч я возил на манер южных рыцарей – спрятанным под седлом, параллельно земле. Чтобы и не на виду находился, и выхватывался удобно. Я обхватил рукоять и проговорил максимально небрежно:

- Тебе ведь не это интересно?

Мужик дёрнул кадыком нервно и заговорил хрипло:

- Нас пятеро, а ты один. Поделишься своим конём и уйдёшь живым. Это честное предложение.

Я покачал головой и потянул наружу меч:

- Выдвигаю встречное предложение – вы отдаёте мне все свои деньги и уходите живыми, - я задумчиво посмотрел на кадыкастого, - И даёте клятву больше не разбойничать!

Мужик растеряно оглянулся на своих подельников, но те, увидев мой меч, тоже выхватили оружие. Двое – короткие ятаганы. Ещё двое – палаши. Надо полагать, не хотят клясться.

Кадыкастый тоже вытащил палаш, и по тому, как он его держал, понятно стало, что владеть оружием грабитель умеет. Хотя, в приграничье и не выжить по-другому. Я тяжело вздохнул, открыл рот, будто собирался сказать что-то, и в этот миг сделал молниеносный выпад. Мой клинок попал точно над кадыком разбойника, тот взмахнул руками и завалился назад, разбрызгивая своим пробитым горлом ярко-алую кровь. Его подельники опешили на мгновение, явно не ожидая от меня такой прыти, а я кинулся вперёд и двумя ударами уменьшил количество оставшихся разбойников ровно вдвое. Одному снёс голову, а второму выпадом пробил грудь и, развернув клинок, тут же выхватил его обратно. Оставшиеся двое неудачливых искателей бесплатной наживы бросили своё оружие в пыль двора, подняли руки, вытащили кошельки, бросив мне под ноги, развернулись и кинулись бежать.

Только в это время из харчевни стали выходить люди. В том числе и хозяин заведения – дородный мужик в засаленном фартуке и с огромным двуручным мечом в руках. Он смотрел, как я вытираю свой клинок об одежду убитого, как тщательно убираю тряпицей малейшие следы крови и засовываю меч в ножны под седлом. Так же невозмутимо и даже одобрительно собравшиеся наблюдали, как я поднимаю кошельки, а после обыскиваю убитых. Трофеи – священное дело. Меня пытались ограбить и убить – я полностью в своём праве. Трофеи, правда, оказались жидковаты – хорошо если пара десятков медных монет, да две серебряных. Я сокрушённо вздохнул и спросил хозяина харчевни:

- Пять клинков не требуется, любезный? Не самого лучшего качества, но надёжные!

Мужик ухмыльнулся и проговорил басом:

- Оружие в деревне лишним не будет, но много мы не заплатим. Хотя, за тот меч, что ты под седло спрятал, я думаю, всю деревню купить можно.

- Тот меч не продаётся, - вернул я ухмылку здоровяку, - А эти железяки забирайте! Дадите, сколько можете. Я не старьёвщик, чтобы кучу железа с собой возить.

- Предлагаю по два серебряных за каждый клинок, - чуть подумав, выдал хозяин харчевни, который, хоть на что могу поспорить, был одновременно и старостой селения. Цена явно была занижена, но везти с собой столько оружия действительно не хотелось, и я кивнул согласно. Тем более, местным хоронить убитых. А это труд, как ни крути. Когда я получил расчёт, сразу запрыгнул в седло и уже сверху спросил у держателя харчевни:

- А что за придурки-то были? Местные?

- Пришлые, - покачал головой здоровяк: - Ждали от них пакости, больно уж пронырливые. Но нам связываться – сам понимаешь, у всех семьи, дети…

- А чужака не жалко, - усмехнулся я, и, увидев, как отвёл взгляд хозяин харчевни, добавил понимающе: - Да и конь хорош, так ведь?

Заметив, как покраснел мужик, я захохотал весело и пришпорил Чучело, надеясь уже к обеду прибыть, наконец в Альбусурб. Сегодня было много дел. Продать коня. Положить деньги в банк, потому как таскать с собой деньги там, куда я собираюсь – не нужно. Найти до завтра жильё. Написать пару писем и отправить их в столицу. А уже с утра направляться на пункт набора на воинскую службу Его Величества. Чтобы попасть солдатом в один из фортов, охраняющих наш мир от Пряди. И да здравствует казарма!

Глава 1. Я – новобранец

Альбусурб с годами менялся не сильно. Созданный когда-то одним из первых форпостов против тварей Пряди, город располагался вначале на меловой горе. Потом разросся, расплывшись вокруг горы, как подтаявший студень. Во время очередного Прорыва тварей, почти весь нижний город оказался уничтожен. Спаслись лишь те, кто успел подняться на гору, в укреплённый детинец. Главная крепость Альбусурба устояла, а защитники крепости положили немало тварей, задержав их до подхода основной королевской армии. После устранения Прорыва вновь город начал разрастаться. Люди шли сюда отовсюду, привлечённые низкими налогами, практически дармовой землёй и кучей вольностей. Правда, теперь новые жители города выводы сделали, и через несколько десятков лет обнесли разросшийся город вначале валом. Перед ним вырыли ров, а затем установили на валу частокол. Да и стали делать другие форпосты, уже ближе к границе Пряди. Так появились Унос, Дуо, Трес, Кватор, Квинк, Сикс и Септим. Именно они стали первыми встречать тварей, пока жители Альбусурба готовились к обороне. Именно в эти форпосты и набирали каждую весну новобранцев. Именно туда предстояло попасть и мне…

Я въехал в город через центральные ворота и поехал по улице сразу на рынок. Быстро продал Чучело, почти не торгуясь. Дело привычное, набившее оскомину. Уж сколько раз я его продавал – и вспомнить трудно. Зашёл в гномий банк, положив на счёт образовавшиеся излишки. Оттуда же направил письма, не слишком доверяя королевской почте. А потом решил вместо поиска жилья сразу отправиться в пункт набора. Благо, дела все сделал я быстро и до вечера ещё оставалась пара часов.

Пункт набора на военную службу находился на самой горе, в детинце, и я изрядно утомился, поднимаясь по круто идущей вверх дороге. Основной поток желающих прибывал утром, потому по дороге кроме меня да двух простовато одетых крестьянских парней и нарядно одетого щёголя не поднимался никто. Явно, как и я, крестьяне решили наняться добровольцами. Жалованье и льготы выжившим были такие, что прошедшие десятилетний путь солдаты уже никогда не возьмутся за плуг. А вот что было нужно щёголю – не совсем понятно. Одет дорого, прифранченный. Явно из обеспеченной семьи. Такие предпочитают строить военную карьеру в более спокойных провинциях королевства, а не там, где демоны решили вылезти наружу из своего пекла…

Крепость тоже была обнесена частоколом, а на воротах стояли два дюжих стражника, одним видом способные напугать любых тварей Пряди. При нашем приближении один из стражников лениво сощурился и не менее лениво проговорил, растягивая слова в тягучую вязь звуков:

- Куда путь держим, молодые люди?

- Наниматься мы, - явно робея, ответил один из крестьян – с носом картошкой и веснушчатым лицом.

- Мясо, - протянул всё тот же стражник и кивнул в сторону открытых ворот: - Проходите прямо и уткнётесь казарму для новобранцев.

Стражник всё так же лениво осмотрел нас и ткнул пальцем во франта:

- Ты явно умеешь читать, так вот, запоминай, там будет написано «набор». Спросите капрала, - и отвернулся, вновь уставившись на город и потеряв к нам всякий интерес.

Щёголь пожал плечами и первым вошёл в ворота. За ним двинулись и мы. Детинец Альбусурба меня не сильно впечатлил – всё то же самое, что и много лет назад: бревенчатые стены с установленными на них катапультами, казармы, хозяйственные постройки и небольшая крепостица в центре. Тут и там бродили или сидели королевские солдаты в красных мундирах, а также приграничники – в зелёной форме. Были и в штатской одежде, видать, такие же как

мы новобранцы. Франтоватый юноша уверенно пошёл к крепостице, и прямо перед ней остановился, увидев дощечку с искомой надписью. Прямо перед казармой стоял стол, за которым дремал капрал – немолодой уже, но всё ещё крепкий, могучий даже с морщинистой шеей. Щёголь остановился перед столом и проговорил:

- Доброго времени суток, любезный. Я Валдис Вин из Новосурба, прибыл для набора на службу в приграничье!

Капрал поднял взгляд, осмотрел нашу компанию и проговорил скрипуче:

- Остальные кто?

- Михей, - представился крестьянин с носом-картошкой.

- Гордей, - прохрипел испуганно его друг, сухощавый и жилистый, как иссохшее дерево.

- Ино, - представился и я, мечтая уже уйти из-под палящего солнца куда-нибудь в казарму или тенёк.

- Господин Лам! – заорал вдруг капрал так, что оба деревенских парня вздрогнули, а щёголь машинально положил руку на эфес палаша. Из казармы вышел офицер – достаточно молодой, подтянутый. В зелёной, как принято у приграничников, форме. Он цепко осмотрел нас, а капрал продолжил, будто увидел спиной вышедшего офицера: - Мясо прибыло. Как раз четверо, сколько вам и не хватает!

Офицер, хмуря чёрные брови, быстро подошёл к нам и принялся оглядывать. Потом отошёл на шаг и спросил:

- Дворяне есть?

Мы все отрицательно качнули головами, тогда Лам вновь задал вопрос:

- С оружием кто учился обращаться?

- Я обучался у лучших фехтовальщиков Новасурба, - подняв вверх подбородок, проговорил щёголь. Офицер хмыкнул скептически и посмотрел на меня:

- А ты? Что у тебя под мышкой?

Я аккуратно развернул ткань, продемонстрировав свой меч, и проговорил:

- От дедушки достался. Ветерана азских походов.

- Пользоваться им умеешь?

- Немного, - аккуратно проговорил я.

- Имена! – потребовал офицер, и мы вновь представились. Услышав от меня только имя, офицер хмыкнул чему-то и сказал: - Фамилия ведь тоже имеется?

- Так точно, господин капитан! – гаркнул я, показывая так любимые в армии дурость и прыть. И уставился преданно на молодого офицера.

- И? – раздражаясь проговорил тот.

- И отчество тоже, господин Лам! – гаркнул я. Щёголь прыснул, но капитан так посмотрел на него, что франтоватый юноша сразу увял. А капрал, вставший из-за стола, сказал мне, как слабоумному:

- Фамилию назови, дура!

- Пинатум, господин капитан! – опять гаркнул я, надеясь, что мои голосовые связки выдержат армейские нагрузки.

Молодой капитан кивнул и проговорил спокойно, видимо, не разделяя общего армейского подхода к громогласию:

- Я – капитан Кордис Лам. Для вас – господин Лам или господин капитан, комендант форпоста Квинк. Все четверо поступаете в моё распоряжение, через полчаса выдвигаемся к нашему форпосту, так как набор я уже произвёл полностью.

Лам развернулся уходить, но его догнал вопрос Михея:

- Господин капитан Лам, так через пару часов стемнеет уже?

Офицер резко развернулся и уставился на парня:

- И что?

- Так ить, стемнеет, - совсем растерялся простоватый детинушка.

- У тебя в темноте ноги не ходят? – требовательно спросил офицер.

- Ходят, - пробормотал крестьянин.

- Если ещё раз задашь глупый вопрос – перестанут! – даже немного вежливо пообещал офицер, - Потому как я лично их переломаю!

Развернулся и вновь ушёл в казарму. А перед нами уже стоял капрал, засунув руки за ремень, на котором болтался палаш в старых, потёртых ножнах:

- Итак, - рявкнул капрал, и я понял, что его рык даже погромче от моего будет, и решил потренироваться ещё, вырабатывая голос, - Вы будете получать пятьдесят лар в месяц! Плюс, бесплатная кормёжка…

- И долбёжка – пробормотал тихо щёголь, но капрал его услышал. Повернулся к франту и проговорил едко:

- Тебя долбить будут чаще всего, я устрою!

Щёголь покраснел, а капрал вновь начал объяснять:

- Отправитесь вы в форпост Квинк, там из вас будут делать не мясо, а бойцов. Из кого-то сделают, кто-то сдохнет при обучении или в схватках. Кто не сдохнет – через десять лет вернётся обеспеченным человеком в королевство! Обмундирование и оружие получить надо там! – капрал ткнул пальцем в огромную палатку сразу за казармой, - Облачаться будете уже в Квинке. Офицера своего вы знаете, команда, которая пойдёт с вами – уже собрана! Идите к ним.

Капрал достал пальцы из-за пояса и ткнул одним из этих пальцев в сторону группы таких же как мы штатских, сидящих с вещмешками прямо возле казармы:

- Получайте форму и оружие и марш!

Форму мы получили быстро. Также нам дали копья – с толстенными, как оглобли, древками и невероятно тупыми наконечниками.

- А мечи? – заикнулся было Михей, но уже другой капрал презрительно скривился и произнёс:

- Чтобы ты им себе причиндалы отрезал? Палаши получите не раньше, чем через месяц. В Квинке. А теперь пошли вон отсюда!

Я взвалил здоровенное копьё на плечо и подошёл к группе новобранцев, убывающих с нами в Квинк. И увидел среди новобранцев знакомое лицо. Тот тоже меня узнал, но виду не подал. Не дрогнув и мускулом, продолжил вещать какому-то увальню про тяготы и лишения, выпавшие на его долю. Я лишь усмехнулся незаметно, посочувствовав этому самому увальню. Баблер Линг если начнёт разглагольствовать – то спасения от него уже не найдёшь! Впрочем, это проблемы увальня, не мои. Я же выбрал местечко, стараясь отдохнуть перед долгим переходом. До Квинка около двадцати лиг, и если я что-то понимал в армейской муштре, так это то, что пойдём мы туда без остановок. Двое крестьян примостились рядом со мной, и Гордей, друг Михея, проговорил застенчиво:

- Ино, у нас есть печёная картошка. Мы хотели перекусить и ты, э-э-э, можешь поесть с нами!

Я кивнул и принял две картофелины из рук парня. Почистил их и меланхолично жевал, игнорируя вопросы о том, откуда я и зачем пошёл в приграничники. Крестьяне переглянулись, вздохнули и начали рассказывать о себе. Однако, не успел я толком узнать про их замечательную деревеньку Верхние Пупки и злющего старосту, как вышел капитан Лам в сопровождении ещё одного капрала. Тот, раздувая грудь, заорал зычно:

- Ста-а-а-ановись, сукины дети!

Мы кое-как выстроились и пошагали из детинца. Впереди капрал, затем тридцать новобранцев. И замыкающий – капитан Лам.

Глава 2. Квинк

В форпост мы прибыли глубоко за полночь, и сам форт я даже не рассмотрел особо. Хотя здесь порядки были куда более строгие, чем в Альбусурбе. На подходе к форпосту на нас выбрел дозор, потребовав пароль. А от ворот ещё и окрик раздался, требующий не только назвать пароль, но и представиться. Мы гуськом прошли внутрь через маленькую калитку, нас привели в казарму для новобранцев, где мы, уставшие и ошеломлённые быстрым переходом попадали на топчаны и заснули.

С утра нас разбудил какой-то капрал, заставил одеть зелёную форму и выгнал на плац. Там нас уже поджидал капитан Лам, а франт Валдис Вин, с которым я пришёл к детинец Альбусурба, проговорил тоскливо:

- Говорили мне, что Квинк – самый поганый форпост! Тут загоняют насмерть, потому что капитан – сущий зверь!

Я покосился на юношу из Новасурба, но ничего не ответил. Не знает он ещё сущих зверей. Но может узнать, если повезёт. Вернее, если не повезёт и Прядь выплюнет к нам очередную порцию тварей. Уж по сравнению с ними самый требовательный армеец – просто сущее дитё перед взбесившимся медведем. А капитан Лам всё тем же негромким, но чётким голосом рассказывал:

- Первый месяц у вас будет проходить слаживание! Вы будете учиться пользоваться копьём, щитом, палашом против различных тварей Пряди! Ещё через месяц вас распределят по подразделениям, согласно ваших способностей. Пока же мой помощник – сержант Торвус Хом проведёт с вами учебные бои на деревянных мечах, чтобы понять, чего вы сто́ите. Потом вам покажут столовую. И сразу скажу – не думайте, что попали на курорт!

Капитан впервые повысил голос:

- Я знаю, что некоторые из вас пришли, чтобы укрыться от закона! – Лам почему-то посмотрел на меня, но я безмятежно смотрел на капитана, и тот продолжил: - Некоторые, чтобы заработать! Но я вам обещаю, что каждый полученный вами сантим вы отработаете своими потом и кровью! Мы – главная надежда королевства и главная его защита от тварей Пряди. Мы обязаны сдержать их или умереть! Как герои.

Франт скептически хмыкнул, но слишком тихо для того, чтобы его скептицизм услышал ещё кто-нибудь, кроме меня. Не знаю, что привело сюда этого Валдиса, но, чую, паренёк имел на всё своё, особое мнение. Правда, совсем скоро он поймёт, что мнение это может засунуть себе в то место, на котором сидит. И чем раньше новасурбовец это поймёт – тем лучше для него.

Кстати, воспитание франта началось даже раньше, чем я ожидал. Потому как на вопрос капитана, кто первым хочет сразиться с Торвусом, Валдис тут же потянул вверх руку. Щёголь вышел, явно рисуясь, и крутанул в руке деревянный меч, стараясь привыкнуть к балансировке. Навстречу шагнул Торвус – среднего роста, широкоплечий и хищный. Уж не знаю, может Вина и учили лучшие фехтовальщики Новасурба, но Торвуса Хома учил явно кто-то получше этих фехтовальщиков. Потому как не успел Валдис кинуться в бой, как уже лежал на земле и подвывал, держась отбитой деревянным мечом рукой за разбитое в кровь лицо. А Торвус, хищно ухмыльнувшись, проревел:

- Следующий!

Потом вышли ещё пятеро. И тоже быстро были избиты Хомом. И тут вмешался капитан. Он ткнул в меня пальцем и сказал:

- Ты! Ино Пинатум! Выходи!

Я взял в руки деревянный меч и посмотрел на Торвуса. Тот дрогнул уголком рта, узнавая меня, и наклонил голову влево-вправо, разминая шею. Я отсалютовал ему деревянным мечом

и чуть пригнулся, ожидая атаки. Торвус действовал в своей излюбленной манере – стремительный выпад из нижней позиции с переводим от груди в голову. Но наработанные годами одни и те же, пусть и смертоносные приёмы, имеют один существенный недостаток – предсказуемость. Я ушёл с линии атаки, сместившись влево, и ударил сам, метя в живот. Такие удары не красочны, не эффектны, но очень эффективны. Впрочем, Торвус тоже знал мою манеру боя, потому сумел отбить выпад и ударил слева, метя уже по ногам. Наши деревянные мечи встретились и… сломались с треском. Капитан кивнул чему-то и приказал:

- Дайте им ещё мечи!

И вновь мы стояли с Торвусом друг против друга. Теперь он решил поменять тактику и нанёс сразу серию рубящих ударов, стараясь замаскировать в них один чёткий и смертоносный выпад. И вновь дерево застучало о дерево, а через полминуты и эти мечи треснули, оставив в наших руках жалкие огрызки рукоятей.

- Довольно! – крикнул капитан и ткнул в меня пальцем, - Будешь десятником первого десятка из самых умелых новобранцев. Отберёшь их сам!

- Есть, господин капитан! – гаркнул я приграничнику и с максимально дебиловатым видом встал в строй. Когда начался очередной бой, Валдис прошептал разбитыми губами:

- Ино, возьми меня в первый десяток! Я умею сражаться, просто он… - губы парня дрогнули, - Дерётся не по правилам!

Я вздохнул, думая, как объяснить франту, что на войне не бывает никаких правил. И все, кто говорит обратное – просто лгут. И если он не поймёт этого, то никогда не вернётся в свой родной Новасурб.

Вскоре бои закончились, и Баблер ожидаемо стал командиром второго десятка. Потому как балабол этот умел отлично работать не только языком. И если я не старался победить Торвуса, то долбанный пижон Линг сумел-таки рубануть учебным мечом Торвуса, отчего у сержанта теперь расплывался на лице огроменный синяк, а сам он недобро поглядывал на Баблера. Но я знал Баблера слишком хорошо – его никакими взглядами не смутить и не напугать. Если и есть где-то на свете кто-то дурнее и отчаяннее Линга, то это какие-нибудь тупоголовые горные тролли. И то только потому, что они своими маленькими мозгами не умеют бояться.

Потом у нас был завтрак и начались учебные будни. Валдиса я взял к себе в десяток, пожалев паренька. Тем более, с мечом он и правда обращался неплохо. Правда, все его индивидуальные навыки в первый месяц занятий оказались абсолютно бесполезны. Мы учились сражаться строем, постигали науку различных видов перестроений, защите и прочему, чему не учат их дорогие, но бестолковые учителя фехтования. В бою с тварями и людьми куда важнее держать строй, колоть копьём и прижимать щит к щиту соратника, чем размахивать железякой, совершая различные красивые, но бесполезные пируэты. К радости моей, Вин это быстро понял, как и Гордей с Михеем. Их я тоже взял в свой десяток. Во-первых, сильных бойцов не было среди новобранцев. А во-вторых, крестьянские парубки оказались достаточно быстрыми и сильными. Да и по опыту я знал, что из деревенских всегда получаются отличные бойцы. Если только они доживают до этого момента. А я по вечерам, после общих занятий, натаскивал свой десяток ещё и бою с клинками. Это тоже не лишнее. Однажды во время таких занятий за казарму, где мы устраивали уроки фехтования, пришёл капитан. Сел на пенёк и некоторое время смотрел, как я объясняю новобранцам основы боя, а потом поманил меня в сторону. Постоял, глядя в направлении стены, и заговорил в своей манере, медленно, чуть растягивая на гласных слова:

- Я не знаю, зачем ты отправился сюда и зачем стал новобранцем. Тут у каждого второго за спиной грехи, но все они здесь списываются, - капитан задумчиво почесал свой чисто выбритый подбородок: - Но я должен быть уверен, что могу положиться на каждого бойца в своей крепости.

Лам пристально посмотрел мне в глаза и спросил:

- Я могу на тебя положиться, Ино Пинатум?

Я заметил, как капитан использует магию, чтобы уловить искренность в моих словах, и про себя усмехнулся. Слабый маг, считающий себя хитрецом. Но, честный служака и преданный своему делу и короне человек. А это заслуживало безусловного уважения. Потому я не стал мешать магии капитана, и проговорил максимально искренне:

- Я отдам все свои силы и, если понадобится – жизнь для защиты королевства от тварей Пряди! И не важно, что там за моей спиной, господин капитан.

- Ты дворянин? – Лам спросил это быстро, вновь наблюдая за моей реакцией.

Я не захотел врать офицеру, но и правду говорить не собирался. Потому пожал плечами, глядя, как машут железными палками мои бойцы:

- Я Ино Пинатум, господин капитан. И не важно, что за спиной, как вы сами изволили выразиться.

- Хорошо, десятник, - кивнул капитан, - Ты меня успокоил. У меня в крепости четыре взвода. Один из них без командира. Мне нравится твоя инициатива, если будешь стараться – быть может, станешь сержантом! – капитан похлопал меня по плечу и бодро пошагал в донжон, где находилась его квартирка. Кордис Лам думал, что осчастливил меня, пообещав поставить командиром трёх десятков бывших пастухов и разбойников. Меня, командующего когда-то легионами… Впрочем, теперь это всё не важно. Всё это за спиной и в далёком прошлом. Я повернулся и пошёл к своему десятку, увидев, что Баблер тоже выводит своих бойцов на занятия. Хоть он и балабол, но мыслит правильно. В трудный час только обученные разумные смогут стать хоть какой-то помощью. Остальные останутся бесполезным мясом.

Баблер, увидев меня, подмигнул и быстро подошёл. Пожал руку и проговорил нейтрально, глядя на то, как тренируются мои свинопасы:

- Лет Алис тоже здесь. В Тресе, - а потом заорал: - Как ты меч взял, идиотина?

И кинулся к своему десятку.

Через месяц мы приняли присягу и стали настоящими приграничниками. В дозоры и на заставы нас ещё не отправляли. Не ходили мы и в рейды. Но на стену уже в наряды заступали. Впрочем, это была самая прекрасная часть службы. Пока другие умирали на занятиях, до которых капитан Лам и правда был настоящий охотник, муштруя все полторы сотни ежедневно, ты спокойно стоял на стене, пялясь в степь и высматривая любые подозрительные движения. Стояли мы по двое, и в тот день, когда увидели первых авантюристов, в наряде я был с Валдисом. Он, кстати, издалека заметил группу разумных из десяти особей. Примечательно, что двое были гномами, а ещё двое – эльфами. Валдис Вин долго рассматривал разношёрстную компанию и повернулся ко мне:

- Ино, это и есть те самые Искатели?

- Как по мне, так это полные придурки, - пожал я плечами.

- Почему? – Валдис привык слушать меня. И не столько из-за того, что я теперь был его десятником, но и из-за жизненного опыта.

- Потому что рисковать жизнью ради наживы – дурость, - спокойно ответил я юноше.

- И ради чего тогда стоит рисковать? – загорячился Вин.

- Ради своих убеждений, какими бы они ни были, - я придвинул меч поближе к пряжке: - У кого-то убеждения эти – патриотизм, или любовь. У кого-то – верность.

- Так жажда наживы – тоже убеждение, получается, - хмыкнул Валдис.

Я подумал немного и произнёс с сожалением:

- Иногда учение только вредит, - и крикнул дозорному: - Десяток разумных за стеной!

Глава 3. Искатели

Команда искателей, как я и предполагал, решила зайти в наш форпост, чтобы пополнить запасы воды перед заходом в Прядь. Ну, и чтобы отдохнуть. У нас целое здание на полсотни коек для этих целей стояло. И если опытные приграничники смотрели на искателей равнодушно, и даже с ноткой презрения, то вот новобранцы, воспитанные сказками, бродящими в королевстве, взирали на любителей наживы с восхищением. В королевстве искателей представляли эдакими бесстрашными, отважными рыцарями, идущими в Бездну ради славы и сражений с тварями. Хотя на самом деле, как по мне, так это шакалы, подбирающие то, что плохо лежит – от россыпей драгоценных камней, до редких артефактов. Не гнушались искатели и мародёрить трупы своих предшественников, щедро разбросанные по Пряди, потому как выходили оттуда не все. Далеко не все. Впрочем, за счёт пронырливых проходимцев, алчных авантюристов и романтичных юношей поток искателей не ослабевал. Только вот искатели в большинстве своём не геройства совершали, а занимались именно тем, о чём я рассказал. А твари… с которыми они якобы сражались. Твари были. Но искатели чаще старались убежать, скрыться, затаиться, а не вступать в жаркие схватки, о которых любили потрепаться потом забулдыги в кабаках, да девицы на светских раутах. И только приграничники желчно ухмылялись, да помалкивали, потому как именно они, если приходилось, сражались с тварями Пряди. Впрочем, новобранцам об этом скоро станет известно…

Пока же мой десяток расположился вокруг рыжего норманна и двух эльфов, которые красочно описывали свои приключения в Пряди. Новобранцы слушали искателей, приоткрыв от восхищения рты, а я хмуро посматривал, как остальные искатели жарят мясо на костре и стараются держаться максимально бодро перед проходом границы, которая от нашего форпоста была в каких-то пяти лигах.

В это время норманн, размахивая в руке полуобглоданной костью повествовал:

- И тут на нас выскочил жевжемон! Ты помнишь, Эйн? – варвар обратился к эльфу, и тот ответил на своём языке, потому его и не понял никто, кроме меня:

- Рассказывай этим олухам что хочешь, Торвальд. Они любой навоз сожрут, приняв его за зефир…

Я знал эту поговорку эльфов, потому тут же ответил Эйну на его языке:

- Из навоза произрастают розы, а вот из поганых ртов кроме навоза не произрастает ничего, ушастый. Ты пользуешься нашим гостеприимством и смеешь обзывать приютивших тебя и давших тебе защиту. Из какого ты Дома?

Все трое искателей уставились на меня в немом изумлении. А краем глаза я увидел, как сбоку от меня появился, будто из ниоткуда, старина Баблер Линг. Он плохо понимал эльфийскую речь, но всегда чуял, когда может понадобиться. Северный варвар положил было руку на рукоять своего меча, но я лишь усмехнулся, а эльф покачал головой и склонился в глубоком поклоне:

- Я прошу извинить меня, сэр…

- Меня зовут Ино. Но извиняться ты должен не передо мной, а перед этими людьми. И не на своём языке, а на нашем, - я кивнул в сторону новобранцев. Эльф побледнел ещё больше и повернулся к изумлённым молодым приграничникам:

- Уважаемые друзья, я, Эйн из Дома Чайной Розы допустил в своей речи ошибку и прошу вас за это меня извинить! У меня не было мысли обидеть или оскорбить кого-то из вас…

Так как новобранцы сидели обалдевшие, ответил за них я:

- Извинения приняты, Эйн из Дома Чайной Розы, - я повернулся к рыжему искателю: - Продолжай, друг мой! Как же столь малочисленный отряд смог отразить столь опасное нападение Жевжика, который ростом с кошку, и даже ядом не обладает?

Если эльф побледнел, то рыжий детина покраснел, как редис, и прохрипел невнятно:

- Там за ним другие твари подтянулись…

- Крысы и бурундуки? – спросил Баблер и весело заржал. Грянули хохотом и пара десятков приграничников, подтянувшиеся на огонёк. Варвар смешался и сказал примиряюще:

- Я ж не спорю, ребята, что настоящие герои приграничья именно вы…

- Только в кабаках вы другое рассказываете, - язвительно сказал кто-то из бывалых, и бойцы вновь грянули хохотом.

Десяток искателей как-то быстро дожарили мясо и так же быстро убрались на ночлег, а новобранцы сидели задумчиво и совсем другими глазами смотрели на бывалых бойцов. Сегодня они начали догадываться, почему за службу на форпостах даже убийства прощают…

Так выпало, что утром, когда искатели уходили в Прядь, на воротах опять стоял я. Но уже не с Валдисом, а с Михеем. Я открыл калитку и весь десяток гостей один за другим выходили наружу, истаивая в густом, как сметана, тумане. Последними шли два эльфа. Они остановились и Эйн произнёс:

- Я ещё раз прошу прощения, разумный по имени Ино. Наши ошибки учат нас быть мудрее. И если вдруг тебе что-то понадобится от Дома Чайной Розы – просто спроси Эйна или Куэлана, - эльф кивнул на своего соратника и протянул мне руку. Я пожал его ладонь, подтверждая, что конфликт исчерпан полностью, и эльфы также растворились в тумане. Я заметил, что у эльфа была слишком влажная ладонь, значит, он действительно волновался. А ещё я отметил, что эльф назвал меня не человеком, а разумным. И я это тоже запомнил. На всякий случай…

Когда на наш форпост вернулись двое из этой группы искателей, я как раз находился во дворе. Этими двоими оказался гном, у которого вместо руки теперь болталась культя, перемотанная пропитанной кровью тряпкой, и рыжий великан Торвальд. Он был со всеми конечностями, но настолько изранен и обессилен, что еле добрёл с гномом на плечах к нашим стенам. Там их и подобрали дозорные. Капитан Лам собрал весь гарнизон и хмуро проговорил:

- Искатель сообщил, что нападение произошло с нашей стороны границы. Искатели уже вышли из Пряди. Потому мы обязаны идти туда и попытаться либо спасти выживших, либо констатировать смерть и уничтожить вырвавшуюся тварь!

Офицер обвёл взглядом все четыре взвода и сообщил:

- Судя по описаниям, к нам прорвался аспид. Пойдут первые отделения второго и четвёртого взводов. Командиры отделений – построить людей, выступаете через полчаса!

Мои ребята задрожали от возбуждения, да и от страха тоже. Вот уже три месяца, как нас натаскивали к бою с различными тварями, так как против каждого имелась своя тактика. Но одно дело изучать это за стенами форпоста, атакуя деревянные и соломенные чучела василисков, стеклянных волков или аспидов, и совсем другое – применять в степи. Гордей, обматывая тряпкой рукоять палаша, жалобно спрашивал:

- Почему нас-то? Опытнее же есть!

- А ты как опыта наберёшься? – спросил его Валдис, - Если будешь здесь сидеть? Или, думаешь, пятьдесят лар нам платят за то, чтобы ты здесь безвылазно сидел, а за тебя другие сражались?

В этот миг меня позвал капитан и проговорил хмуро:

- Этот рыжий сказал, что аспида они вроде как ранили и ослабили, но готовыми нужно быть ко всему. Ещё раз объясни своим людям, что действовать нужно только строем. Если кто ошибётся – погибнут все! Старшим пойдёт Торвус, просто повторяй за ним и его отделением. Пришла пора включаться в боевую службу. Всё!

Выдвинулись мы единым строем, как учились все эти месяцы. В колонну по трое. Все – со щитами, копьями и палашами. А у меня, так как это разрешалось уставом, вместо уставного палаша висел на поясе мой меч, к которому я давным-давно привык. С первым отделением второго взвода шёл Торвус Хом, с которым нам пришлось сражаться на учебных мечах в пер-

вый день пребывания здесь. Торвус, увидев меня, кивнул сосредоточенно, и я ответил на его приветствие, чуть прикрыв глаза. Моему отделению приказано было шагать сзади, и небольшая черепаха из трёх шеренг по три бойца каждая, топала точно за таким же построением черепахой второго взвода. Я, как и положено уставом, шёл с правого бока. А впереди меня шагал Торвус.

Искателей второй взвод увидел раньше. Три тела лежали возле небольшой полуразвалившейся часовенки, а пятеро сидели наверху, на стене. Оба эльфа оказались живы. Торвус поднял вверх руку, и его отделение тут же сдвинуло щиты и ощетинилось копьями. Я отдал приказ, и мы поступили аналогично. Я увидел побледневшие лица своих бойцов, их страх, плескающийся в глазах, и проговорил негромко:

- Просто делайте каждый то, чему вас учили! И слушайте мои команды!

Моё отделение, сдвинув щиты, квадратом встало левее отделения второго взвода. Торвус и я расположились между двух «черепах» и посматривали по сторонам.

- Не видишь? – спокойно спросил Торвус.

- Чую, - тихо ответил я ему, - С вашей стороны, шагах в двухстах.

Сержант Хом так же тихо спросил:

- Почему не видно?

- В песке зарылся, - я достал меч и нежно огладил пальцами шершавую рукоять.

Торвус тоже достал свой меч. И я узнал клинок, которому Хом дал имя «Суровый». Тяжёлый, полуторный меч с длинной и острой гардой, торчащей в обе стороны, будто два шипа. Торвус ощерился, и ударил мечом плашмя по щиту. Дзанг – разлетелся звук по степи. Наши бойцы дёрнулись, но никто ничего не сказал. Дзанг! Металл «Сурового» при столкновении с умбоном щита издавал противный металлический звон, раздающийся на много шагов вокруг. Я почуял шевеление аспида и чуть прикрыл глаза, чтобы не выдать себя их сиянием. Дзанг! Торвус вновь ударил мечом о щит, пристально вглядываясь вправо. Там вспучился песок, и на поверхности показалось тёмное, похожее на раздутое бревно туловище твари Пряди. Аспид вид имел жуткий и устрашающий – длинное, гибкое тело, восемь коротких и мощных лап, и похожая на змеиную голова. Монстр был слабо чувствителен к магии, да и чешуйчатое тело пробить рубящими ударами меча или палаша не удавалось ещё никому. Но вот копья против монстра являлись превосходным оружием. И Торвус, поведя плечами, гаркнул зычно:

- Развернуться! Копья к бою!

Приграничники второго взвода действовали, будто единый организм. Зашелестели ноги, и вот уже две шеренги выстроились по направлению к монстру, уперев пятки копий в песок.

- Рядом! Копья к бою! – рявкнул я, указав кончиком меча, куда нужно стать моим бойцам. Те побледнели, но приказ выполнили пусть и не так быстро, как опытные приграничники, но достаточно скоро. И тоже упёрли копья в песок, поджидая идущее на них неторопливо чудище. А Торвус, зная, как аспиды ненавидят металлический звук, чтобы ускорить тварь, забил мечом резко и быстро в щит…

Глава 4. Стеклянный волк

Аспид, разъярённый металлическим звоном, взревел и побежал, отчего из-под его мощных лап вылетал фонтанами песок. Бойцы замерли, стискивая древки копий. Я увидел, что чудище бежит на бойцов второго взвода, но перестраховался и приказал вслед за Торвусом:

- Копья в упор! Щиты за спину! – при сражении с аспидом щиты не помогут. Он сомнёт их вместе с бойцами. И единственный шанс на победу – длинные острые копья, которые становятся колющей стеной, не пускающей тварь к разумным.

Мои бойцы, со страхом глядя на громадину, опустили наконечники копий ниже. В это время аспид ударил в стену копий второго взвода и взвыл, пронзённый сразу в нескольких местах. Развернулся, вывернув сразу три или четыре копья из рук приграничников, изогнулся боком и ударил мощным хвостом. Но на пути хвоста уже были копья моих людей. Наконечники прошли между чешуек, и аспид взвыл ещё сильнее, нашпигованный железом. А Торвус, проскочив сквозь ряд, взмыл в прыжке над туловищем твари Пряди, запрыгнул на мощную шею и вонзил меч в глазницу раненого гада, провернув клинок внутри. Полузмей извернулся весь, перекатившись от строя, ломая застрявшие в нём копья, но сержант уже спрыгнул на землю и спокойно вытирал «Сурового». И я и Торвус знали, что аспида била агония, потому как Хом рассёк напополам мозг твари. Потому я тоже закинул свой меч в ножны и отдал приказ:

- Держать строй! Кто остался без копья – в заднюю шеренгу!

Тут же Михей и Валдис отшагнули назад, шумно выдохнув, а их место заняли два бойца из второй шеренги. Я перевёл взгляд на искателей, и увидел, что они спускаются со стены. Покачал головой и отправился к почти упокоившейся твари. Тело её била еле заметная дрожь – предсмертная агония. Торвус подошёл вместе со мной и спросил:

- Что, демоны их подери, эти идиоты разбудили, что за ними выскочил аспид?

Я коротко пожал плечами и тихо сказал:

- Справа к нам идут спумаи. Три или четыре. Половина лиги.

Торвус кивнул, принимая мои слова. За много лет приучился верить моему чутью. И коротко рявкнул:

- Копья на землю! Палаши в руки! щиты из-за спины! Бой не окончен!

Приграничники если и удивились, то виду не подали. Здесь послушание вбивается первым. Именно это залог выживания возле Пряди. Разом бросили копья и потянули из ножен клинки.

- Правое плечо вперёд! В две шеренги! Сомкнуть щиты! – резко приказал я, и увидел, как приказ мой выполнили одновременно оба десятка.

Торвус вновь достал свой клинок и пристально уставился туда, куда показал я. Я же подошёл к аспиду, посмотрел на его оскаленную, полную зубов пасть, взобрался на тушу, чтобы получше увидеть, и сказал Торвусу:

- Четыре спумая!

Торвус подошёл к строю и тоже перекинул щит из-за спины вперёд, вглядываясь в приближающихся чудищ. А искатели с невероятной прытью вновь оказались на стене, хотя спумаи легко туда бы запрыгнули. Вообще, твари эти – белесые, будто созданные из туманной слизи, были много меньше полузмея – всего раза в два мощнее человека. Но обладали мощным торсом, напоминая горилл. А ещё огромные когти спумаев разрубали даже железный доспех. Твари любили человечину и обладали огромной прыгучестью. И тактика боя с этими тварями была совсем иной – принимать тушу на щит и сразу колоть клинком.

Я спрыгнул с аспида и пошёл к строю, чуя, как адреналин вливается в кровь, заставляя быстрее стучать сердце. Достал свой меч, вновь приласкав шершавую рукоять, и взмахнул клинком, разминая запястье. Мне щит не нужен, но выделяться нельзя. Я простой новобранец.

И я перекинул из-за спины гоплон – круглый щит, которым вооружали приграничников. Встал справа от шеренги и услышал шумный вздох бойцов – они увидели, наконец, тварей, приближающихся к нам огромными прыжками. Зрелище было жутковатым, так как спумаи одним прыжком преодолевали расстояние в десяток человеческих шагов.

- Упереться в землю! – резко приказал Торвус, - Щиты к бою!

Спумаи – существа мощные, но тупые, ударили в самую середину строя и были изрублены буквально за несколько мгновений. А мои бойцы, испуганные и одушевлённые одновременно, рубили уже мёртвых тварей до такой степени, что вскоре от белесых исчадий остался фарш. Ни я, ни Торвус не мешали. В первом бою нужна психологическая разрядка. А в приграничниках нужны люди, перешагнувшие страх. Остановились мои бойцы лишь тогда, когда к нам приблизились искатели, вновь слезшие со стены. И теперь бойцы мои смотрели на истерзанных выживших с долей презрения и изумления. Им показалось, что с монстрами сладить не так и сложно. Хотя, сегодняшняя победа – результат многовековых изучений повадок тварей Пряди, выстраивание максимально эффективной техники. Результат сотен и тысяч погибших бойцов. И я тяжело вздохнул, представляя, сколько ещё нужно объяснить новобранцам. Тем более, без потерь мы обошлись только потому, что я чуял тварей Пряди. Нападi спумаи внезапно…

Торвус сосредоточенно выламывал клык у аспида, и я знал, куда пойдёт этот клык – на именное ожерелье Хома. Любил он свои варварские штучки и надеялся, что когда-нибудь сможет щегольнуть этим ожерельем перед другими выжившими. Если они, конечно, ещё оставались. А ко мне подошёл эльф Куэлан и проговорил хрипло:

- Мы благодарим за помощь, Ино Пинатум! И просим помощи, чтобы донести тела погибших до форпоста.

- Распоряжусь, - кивнул я, внимательно оглядывая степь. Что-то не давало мне покоя, и я пытался разобраться, что именно. В это время ко мне приблизился и Эйн. Левая рука его висела на повязке, плотно примотанная к туловищу. Эльф встал рядом с собратом и сказал с непонятной интонацией:

- Ты бы мог в одиночку расправиться со всеми…

Так как по интонации я даже не понял, вопрос это был или утверждение, то и говорить что-то не посчитал нужным. Тем более, я разобрался в своих ощущениях и быстро подошёл к Торвусу:

- Я в степь! Если что – прикрой.

- Опасность? – спокойно спросил сержант, но я не знал сам, потому лишь искривил уголок рта. Торвус кивнул и вновь достал свой легендарный некогда меч.

Я размашисто пошагал в степь, не доставая, впрочем, своего оружия. Угрозы я не чувствовал, и вскоре понял, почему. За песчаным взгорком лежал в призрачном обличье раненый стеклянный волк. Скорее даже щенок, так как размерами он был максимум с овчарку. Полуразумный зверь посмотрел на меня жалобно, но раздвинул в оскале губы, обнажая крупные клыки. Я остановился в двух шагах от обитателя Пряди и сказал тихо:

- Я помогу.

Дождался, когда стеклянный волк спрячет клыки и подошёл вплотную, сев перед зверем на корточки. Когда я лечил его рану, зверь отвернул голову, стараясь не смотреть ни на меня, ни на Торвуса. Я видел, что стеклянному волку очень больно, но чуждый нашему миру зверь не издал ни звука, лишь вздрагивал призрачным телом и шумно дышал. А когда я залечил его, слабо вильнул хвостом и лизнул мне руку.

- Зачем? – спросил меня Торвус.

- Ты же знаешь, я не всегда могу объяснить свои поступки, Хом, - спокойно ответил я, поднимаясь на ноги.

- Но они всегда идут в плюс, - кивнул сержант. И спросил: - Уходим?

- Теперь – да! – я спокойно развернулся спиной к зверю и пошагал к приграничникам.

Эльфы ждали нас чуть поодаль, и при нашем приближении Куэлан произнёс тихо:

- Однажды я уже видел такой меч, как у тебя, разумный по имени Ино.

Я вновь отметил, что эльф предпочитает не называть меня человеком, но мне было плевать. Потому я лишь усмехнулся чуть, и сказал:

- Я вижу свой меч каждый день, разумный из Дома Чайной Розы. Потому у меня явно преимущество в насмотренности.

Эльф оценил мою шутку, поклонившись коротко и раздвинув губы в вежливой улыбке. Он показал мне, что кое-что знает, а я сказал, что принял это к сведению. Больше мы с эльфами не обменялись ни словом до той поры, пока не вернулись в Квинк. Там капитан Лам заслушал доклад Торвуса, сказал короткую хвалебную речь и махнул рукой, распуская вернувшихся из рейда приграничников. Баблер подошёл ко мне и спросил, будто кривляясь:

- Началось?

На самом деле Линг не кривлялся – такая уж у него была манера общаться. Особенно, когда он нервничал. Я отрицательно покачал головой и ответил максимально мягко:

- Не похоже, Баблер. В этот раз обычный выплеск тварей, которых разворошили любители наживы.

Линг сосредоточенно кивнул и ушёл в казарму.

Через двое суток я вновь оказался на стене дозорным, и полночи всматривался в степь, пытаясь понять, что тревожит меня в этот раз. И понял только тогда, когда стеклянный волк вышел из мрака и положил под стеной тушу косули. Я посмотрел на дремлющего Михея и спрыгнул со стены наружу. Подошёл к настороженному зверю и легко погладил его опущенную к земле голову. Стеклянный волк вновь лизнул мне руку и вильнул хвостом.

- Иди к родным, глупыш, - тихо сказал я обитателю Пряди, но стеклянный волк лишь толкнул своим носом тушу поближе к моим ногам. Я усмехнулся, зная, что зверь прекрасно видит в темноте, кивнул ему и отрезал заднюю ногу добычи. А потом прошептал, зная также, что он меня прекрасно понимает: - Остальное съешь сам! Тебе нужно расти и набираться сил!

Глупыш внимательно посмотрел на меня. Вновь лизнул мне руку, схватил зубами за загривок косулю и легко перекинул её себе на спину. Так и скрылся в степи, а я с окороком на плече подошёл к стене. Вздохнул тяжело, вначале закинул окорок, а затем взобрался и сам. Михей продолжал посапывать, а я приставил к его горлу клинок, прошептав:

- Ты уже убит!

Михей, проснувшись, выпучил глаза, замычал что-то испуганно и скосил глаза вниз, почуяв холодную сталь.

- Ты убит, - повторил я, - Потому что заснул на посту. Но самое паскудное – из-за тебя весь форпост вырезал враг. И на твоей душе камень греха из ста двадцати невинно убиенных приграничников. Ты будешь гореть в аду, Михей!

Молодой приграничник задышал тяжело и прохрипел:

- Прости, Ино!

Я убрал меч от его горла и проговорил тускло:

- Я прощаю единожды, Михей. Запомни это, ибо это был твой последний раз. Никто об этом не узнает. Но ты две недели будешь один чистить нужники во всём форпосте. И, выгребая дерьмо помнить, что сам чуть не стал таким же дерьмом…

Михей пытался отблагодарить, но я отвернулся и вновь уставился в степь…

Глава 5. У Пряди

Наш дозор передвигался по заданному квадрату в поисках тварей Пряди. Капитан Кордис Лам последнее время всё чаще отправлял нас к границе, а сам усиленно тренировал пограничников, будто чувствовал что-то. И это было удивительно, так как с его уровнем магии эманаций Пряди он видеть не мог. Хотя, вполне возможно, что в его жилах текла кровь провидцев, потому как вопросы крови – одни из самых запутанных и загадочных в нашей вселенной. И даже в нищей хижине можно встретить потомков легендарного мага или князя, а во дворце вполне может заседать правнук конюха. А провидцы ощущали изменения, вовсе не имея магического дара в полном его понимании.

Мы шли одним десятком, тем, которым командовал Баблер Линг. Меня к этому десятку капитан Лам приставил для усиления. Впечатлился рассказом о том, как я почуял спумаев. Торвус немного рассказал о нашей вылазке офицеру, и я понимал, почему он упомянул о моих возможностях – Кордис Лам должен понимать, на кого можно опираться. Вот и топал я сейчас вместе с Баблером, а тот рассказывал какую-то нудную историю, привезённую им с севера королевства. Я, по своему обыкновению, слушал Линга вполуха. Всех его историй не запомнить. Да и я сильно сомневался в их правдоподобности. Балабол сочинял свои байки на ходу, и не раз над ним шутили, что ему бы не воином становиться, а менестрелем или, на худой конец, мэром какого-нибудь городишки.

Я посматривал по сторонам и удивлялся, как близость Пряди изменила ландшафт местности, превратив лесостепь в какое-то соединение степи и пустыни. Трава и чахлые кустарники сменялись песчаными проплешинами и барханами, а после вновь тянулась унылая, пожухлая растительность. Даже деревья, не выдержав близости разлома, скукожились, изогнулись, и кривели изуродованными стволами и ветками под жарким солнцем. Баблер затих, наконец, сморенный жарой, а потом спросил внезапно:

- А ты где был последние полвека?

Я покосился на Линга и дёрнул плечом, не посчитав нужным отвечать на глупый вопрос. У каждого из нас свои пути и тропы, и балабол знает об этом не хуже меня. Он, кстати, несмотря на всю свою разговорчивость, тоже никогда не расскажет, где на самом деле бродил, и что видел. Иногда мне кажется, что он специально такой многословный, чтобы за словесной шелухой прятать действительно важное. Хотя Лет Алис всегда говорил, что у Баблера просто банальное недержание. Но, в отличие от других людей, оно у него выходит через другое отверстие.

Впереди и слева от нас, совсем недалеко от границы с Прядью, что-то появилось, и я поднял вверх руку со сжатым кулаком. Наш дозор тут же остановился. Бойцы посмотрели на Линга, а тот – на меня. Я ждал, пытаясь определить, какую мерзость в этот раз выплюнула Прядь. И через пару минут понял, проговорил, ощущая, какими колючими, будто пропитанными пустынным воздухом, стали мои слова:

- Хедеры! Две!

Баблер выругался. Витиевато и изощрённо. Потому как в отличие от остальных знал о хедерах не только из теоретических занятий. Эти полуразумные твари не были животными, хотя, несомненно, были живыми той странной, иногда пугающей жизнью Пряди. Хедеры казались ближе к растениям, чем к млекопитающим или ящерам. Но в отличие от нормальных растений, растущих спокойно на одном месте, эти передвигались. Не сильно быстро, но и этого хватало. А их отростки, гибкие как плющ, и крепкие, как стальные канаты, разрезали человека за несколько мгновений, стоило только хедерам дотянуться до плоти. А плоть эту двигающиеся растения искали настойчиво и фанатично, питаясь преимущественно ею.

- Достать зажигательные снаряды! – распорядился Баблер, и бойцы его десятка тут же зашевелились, вытаскивая из мешков глиняные, обмотанные пропитанной тканью горшочки с земляной смолой. Линг достал огниво и подмигнул. Я знал, что ему оно не нужно, чтобы поджигать снаряды, так как балабол предпочитал магические искры. Но бойцам его десятка знать об этом не обязательно. И поэтому он будет красиво щёлкать огнивом, не надеясь, впрочем, на примитивное средство.

Мы рассыпались цепью и пошли навстречу двум хедерам, неторопливо бредущим в нашу сторону. Будь эти твари побыстрее – они бы наверняка захватили весь мир, потому как колоть и рубить их стволы – занятие бесполезное. Раньше их пробовали крушить булавами, бить тараном и даже резать пилами, но длинные жгуты-руки тварей легко уничтожали всех приблизившихся. И только когда разумные стали использовать земляную смолу, то смогли эффективно бороться с хедерами. Облитые чёрной, вонючей и горючей жидкостью, ходячие деревья загорались хорошо. И подыхали ещё лучше. Главное, во время агонии не попасться под жгуты-щупальца. Баблер отдал приказ, и мы принялись за уничтожение исчадий.

Двенадцать зажигательных снарядов, загоревшись, полетели к хедерам, как только мы приблизились на расстояние броска. И восемь попали в цель – пять в одну тварь, и три в другую. Земляная смола, полыхая, растекалась по коричневым, мощным стволам, поджигая их. А мы отходили назад, не давая хедерам приблизиться к нам на близкое расстояние, и через несколько минут всё было кончено. Обе твари упали, выгорев почти дотла. Но Баблер и я знали, что даже маленький, оставшийся целым отросток, может пустить корни, и потом из него вырастет ещё один хедер. Потому подошли к поверженным, тщательно изрубили остатки и не менее тщательно сожгли их на костре. И только после этого отправились назад в Квинк.

Глупыша я почуял издалека – он мчался в нашу сторону. Я тут же повернулся к Лингу и сказал:

- Сейчас подбежит стеклянный волк – не трогать! Он мой!

Баблер вначале широко распахнул глаза. А потом не выдержал и расхохотался, проговорив весело:

- И почему я не удивлён, Ино? Вот почему я совсем не удивлён?

- Может, потому что ты выплюнул удивление после первого миллиона слов? – пожал я в ответ плечами и двинулся к Глупышу.

Стеклянный волк подбежал ко мне и ткнулся своим мокрым носом в ладонь. Он был в призрачном обличии, потому остальные бойцы его не видели – такая вот была особенность у этих зверей. Всё, что мог усмотреть обычный человек – некое марево, похожее на движение горячего воздуха. За то и прозвали таких волков стеклянными, потому как в этом состоянии сквозь них можно смотреть, как сквозь стекло. Глупыш попытался мне транслировать какую-то новость, и я напрягся, стараясь понять. А потом наклонился к стеклянному волку и спросил тихо:

- Ты уверен? Именно за нами?

Глупыш обиженно рыкнул, подтверждая, что уверен, и я повернулся к Баблеру:

- Линг! За нами погоня! Сразу пять токсикумов! В полулиге от нас!

Баблер оглянулся назад, а потом посмотрел в сторону форпоста, до которого мы явно не успели бы дойти. И принялся спокойно подгонять бойцов:

- Становись с одну шеренгу! Щиты вперёд! Арбалеты к бою! Расстояние между бойцами в два корпуса! Помните, что твари плюются ядом!

Я погладил Глупыша и вернулся к дозору. Перекинул щит вперёд и натянул арбалет, вложив в него металлический болт. Токсикумы – ядовитые мрази на шести ногах, похожие на пауков. Плюются мерзкой слизью, которая не просто убивает – разъедает плоть разумных. И главное спасение в битве с этими тварями Пряди – луки и арбалеты. Потому как токсикумы плюют на расстояние в двадцать шагов, а арбалеты бьют за сто. Главное – не промахнуться,

иначе второго шанса на выстрел уже не будет – слишком быстры эти шестиногие, чем-то похожие на морских скатов твари.

Токсикумы появились из-за бархана почти внезапно. И сразу же целенаправленно побежали к нам. Кто-то из бойцов резко выдохнул сквозь зубы, глядя, как быстро перебирают ногами-щупальцами ядовитые гадины. Мы подняли арбалеты, и Баблер резко проговорил, кто и по какой твари целится. Мне и ещё одному бойцу досталась вторая слева гадина. Я выдохнул, поднял арбалет и принялся ждать, надеясь, что никто не промахнётся. Впрочем, Баблер и ещё один из дозора были на подстраховке, и, если кто-то из нас не поразит монстра, они уже выстрелят в него сами.

Мы ждали команды Линга, и даже я начал испытывать мандраж. Токсикумы, перебирая мягкими, длинными щупальцами, будто плыли к нам. Плыли быстро, стремительно, издавая на ходу какое-то курлыканье. То ли переговариваясь, то ли клич у них был такой. И вот до монстров всего сто шагов. Восемьдесят. Мой палец дрогнул на крючке, но Баблер молчал. Молчали и мы, пристально вглядываясь каждый в своё чудище. Когда до токсикумов оставалось шагов шестьдесят, слева от меня кто-то из бойцов всхлипнул, но строя не покинул. И через пару секунд Линг заорал «пли». Я выстрели и попал в свою тварь Пряди. Даже увидел, как болт моего напарника также ударил в тушу токсикума. Тот закружился и упал. Попадали и другие паукообразные мрази. А Баблер рявкнул:

- Перезарядить арбалеты!

И снова мы выполнили команду. Единственный способ выживания у приграничников – слепо следовать приказам своего командира. Даже если тебе кажется, что они неправильные – выполняй. И держись строя. Иначе с тварями Пряди не совладать.

К поверженным токсикумам мы направились вдвоём, и Линг спросил меня шёпотом, чтобы не услышали другие бойцы:

- Ино, они шли за нами, как за приграничниками, или?..

И снова я не стал отвечать, потому как не знал ответа. И даже не мог сказать, почему твари вообще начали преследование. Не в их обычаях гнаться за кем-то. Токсикумы предпочитают сидеть где-то в укромном месте и поджидать добычу там, подпуская на расстояние и метко плюясь ядом. А если эти погнались за нами, значит, кто-то погнал их. И я даже боялся предположить, кто настолько могущественен, чтобы выгнать этих монстров из Пряди, и чем мы ему так насолили.

Баблеру, впрочем, мой ответ и не требовался. Думать он тоже умел, потому, добив токсикумов, скомандовал:

- Становись! В форт шагом марш! И дай Бог, чтобы добрались мы в него без происшествий!

Я с интересом посмотрел на Баблера, размышляя, где же он бродил, если стал обращаться не к богам, как раньше, а к Богу. На моих глазах, можно сказать, произошла эволюция одного индивидуума от языческих верований к единобожию, и на миг даже мелькнуло любопытство. Но не менее быстро и пропало. Это чувство давно перестало посещать меня и влиять на ход мыслей. В мире слишком много непознанного, чтобы гоняться за всем этим дерьмом.

К форту мы подошли уже без происшествий, и перед стенами Баблер спросил тихо:

- Докладывать ли капитану о стеклянном волке?

Я кивнул, понимая, что рано или поздно Кордис Лам узнает о Глупыше, и объясняться всё равно придётся. Лучше сделать это сейчас, чем в критический момент, когда на объяснения не будет ни времени, ни желания. А стеклянный волк…. Просто зверушка, которую удалось приручить. И которая может сослужить неплохую службу…

Глава 6. Нападение

Поредевший отряд искателей готовился уходить вглубь королевства. Эльфы, однорукий теперь гном, рыжебородый Торвальд и другие, имён которых я даже не счёл нужным запоминать. Тем более, у меня была другая забота. С самого утра я чистил и полировал свой меч, легендарный Каладболг. А ещё достал из мешка свои наручи, сделанные из сплава небесного металла. Говорили, что артефакту этому более пяти тысяч лет, но я не мог ни подтвердить, ни опровергнуть данное утверждение. А говорят разумные много. Впрочем, вовсе не важно, сколько им было лет. Массивные, с загадочными иероглифами на внутренней части, наручи мои были не просто защитой, но и совершенным оружием, которое я применял редко и в самых крайних случаях. Но что-то подсказывало мне, что скоро случай этот настанет.

Баблер, увидев, что я занялся наручами, нахмурился, но тоже полез в мешок и достал свои латные перчатки. Принялся протирать их, подгонять, осматривать. Сколько этому артефакту лет, я не знал, но был свидетелем того, как какой-то герцог в одном из северных королевств предлагал Лингу за них целый замок с десятком деревенек. Баблер, конечно, отказался, чем вызвал гнев герцога. И тот даже решил, что раз не может купить перчатки – то сможет забрать их силой. И вечером на одной из дорог на Баблера напали сразу пятьдесят кнехтов. Баблер, кстати, слабоумием не страдал, потому такой вариант предусмотрел, и ехал в этих самых перчатках. Конечно же, полсотни воинов были уничтожены. А потом умер и сам бестолковый герцог, жадный до чужого добра. Умер внезапно, естественно. И не помогли ему ни защита из вассалов, закованных в броню, ни излишняя осторожность. Баблер испокон веков был злопамятным сукиным сыном, и это я тоже всегда помнил…

Торвуса я не видел, но готов был поклясться чем угодно в том, что и он сейчас достал свой легендарный лук. Надеюсь, что Лет Алис в своём форпосте также достал щит с огненным умбоном.

Рядом со мной присел Валдис и заговорил тихо:

- Ино, ты странный человек.

Я защелкнул наруч на левой руке, не считая нужным комментировать высказывание, не являющееся вопросом. Все мы странные в той или иной мере. А Валдис Вин помялся и произнёс опять:

- И оружие у тебя странное, - и замолчал вновь. Я застегнул второй наруч на правой руке и ощутил знакомое жжение – наручи адаптировались к телу, становясь единым целым со мной.

- Взять хотя бы меч, - загорячился Вин, - Я из богатой семьи, у моего отца много шикарных и дорогих клинков, но такой, как у тебя, я наблюдаю впервые. Гарда – будто шипы. Крест на рукояти. А сама рукоять… Это что за материал? Первый раз такой вижу.

- Это чешуя легендарных нагов, - я скрестил руки и постучал одним наручем о другой.

- Одуреть можно! – с чувством сказал Валдис, - И сколько стоит такое сокровище, Ино?

- Что ты подразумеваешь под стоимостью? – спросил я юношу, и тот засопел удивлённо:

- Что и все. Ну, сколько лар стоит твой клинок?

- Все под этим понятием подразумевают разное, - я коротко пожал плечами: - Сколько стоит галлон воды?

- Галлон воды? – изумился Вин, - Нисколько не стоит. Бери из колодца и пей. Или из ручья.

- В южных королевствах в пустынях нет ручьёв и колодцев, воду там продают. По половине лара за галлон. Но представь, если ты умираешь от жажды и тебе предложат воду, сколько ты за неё отдашь?

- Ну, много, наверное, - задумался молодой приграничник.

- Ты отдашь за неё всё, что у тебя есть, - я провёл тряпочкой по наручам и спрятал её в вещмешок. Сами наручи я теперь снимать не буду, - Потому я и говорю, что стоимость – понятие относительное. И зависит от многих факторов.

- Например, - озадаченно спросил Вин.

- Например, от того, сколько покупающий готов дать. И за сколько продающий готов отдать. Ты же сын купца, а я тебе объясняю очевидные вещи.

- Хорошо, за сколько ты готов был бы продать свой меч? Двадцать ларов? Пятьдесят?

Я посмотрел на юношу и покачал головой:

- Свой меч я не готов отдать ни за деньги, ни за души, ни за жизни. Это мой меч, и только мой. Так понятнее?

- А если бы тебе предложили тысячу ларов за него? – с интересом спросил Валдис.

Я тяжело вздохнул и спросил:

- Тебе что-то нужно, боец? Или ты просто решил языком потрепать?

- Да просто поговорить хотел, - замялся Валдис, - Вон, наручи ещё увидел. Мне мой учитель фехтования говорил, что это самая бесполезная часть доспеха. Даже если меч не пробьёт наруч, то руку осушит. И надо быть дураком, чтобы использовать их и замедлять скорость фехтования. Потому как они служат утяжелителями.

Я ухмыльнулся немного и сказал:

- Он имеет право на своё мнение.

К сожалению, наш диалог услышал Баблер и тут же подсел. И спросил у Валдиса:

- А кто у тебя был учителем? Его имя?

- Корнелий Тыр из Новасурба, - Валдис глянул горделиво и чуть высокомерно. Это он зря, конечно. И Баблер не преминул это доказать, воскликнув радостно и восторженно:

- А, тот самый Корнелий Тыр? – и когда Вин кивнул, закончил не менее восторженно: - Которого я знать не знаю, и даже не слышал о нём никогда?

Михей, сидящий рядом, заржал, как полковой конь, а Валдис покраснел мучительно и проговорил, насупившись:

- Господин Тыр один из лучших фехтовальщиков Новасурба! Это признают все!

- Все – такие же незнакомые мне, как и господин Тыр? – расхохотался Баблер, и внезапно сделался серьёзным: - Запомни, парень, даже зубочистка может быть смертоносной, если разумный умеет ей пользоваться.

Линг нацепил на руки латные перчатки и подмигнул парню:

- Главное оружие – это разум! Остальное уже мелочи. Потому, сомневаюсь я, что твой Тыр хороший мастер. Хороший бы такую чепуху не сказал никогда.

Валдис оскорблённо пожал плечами, а я встал, посмотрел на небо и сказал Баблеру:

- Сегодня ночью я в карауле на стене. Ты, Баблер, если делать нечего – возьми и пофехтуй с парнем, чтобы узнать, хорош ли у него был учитель. А я спать. Кто разбудит – сразу глаз подобью!

Я ушёл в казарму, зная, что меня никто не тронет до самого вечера. Уже когда проходил мимо ворот, ко мне скользнул опять один из эльфов. Тот, которого звали Куэланом. Он подошёл и спросил тихо:

- Если вы появились здесь, нам готовиться?

Я остановился перед ним на мгновение, подумал немного и сказал, тоже тихо:

- Готовыми нужно быть всегда. Но если ты знаешь, кто я, должен понимать, что мне тоже не всё и не всегда рассказывают.

- Я услышал тебя, сэр Ино Пинатум, - поклонился эльф и пошёл к своим, сделав в воздухе рукой знак второму эльфу.

Эта весенняя ночь была чудо как хороша. На небе ни единого облачка. А звёзды яркие, крупные, будто протяни руку и коснёшься их. Я слышал как-то, что Прядь переламывает, гнёт

воздух вблизи себя, оттого появляется такой визуальный эффект. Впрочем, в южных королевствах я видел яркие звёзды и безо всякой Пряди. А здешние широты не так далеко от тех королевств. Так что, это могло и не быть связанным с Прядью и её тварями.

Со мной в дозоре стоял Валдис, и парень давно уже клевал носом, но в отличие от Михея, не садился, а наоборот вставал и либо расхаживал, либо опирался на копьё и пялился в темноту. Я одобрительно посматривал на недавнего франта, а теперь неплохого уже пограничника. Если выживет, то будет из него толк. И всех этих учителей фехтования быстро забудет, поняв однажды, что нужно бить не эффектно, а эффективно.

- Ино! – голос Валдиса был странно звенящим и даже испуганным.

- Да? – я сам уже понял, что напугало парня, почувствовал приближение тварей, и внутри завибрировало всё от осознания скорой схватки.

- Мне кажется, я вижу какое-то шевеление вдали! Может, глаза устали?

- Не устали, Валдис! Поднимай тревогу! Форпост в оружие!

Молодой пограничник кинулся к колоколу, и над Квинком раздался тревожный звон набата: бом, бом, бом…

Встрепенулись другие дозорные, заорав со стен:

- Бдим!

Это означало, что теперь они ещё пристальнее будут всматриваться в ночь. А наша стена зажжёт масляные факелы в трёхстах шагах от стен, чтобы враг не смог пройти незамеченным в темноте. Обойти слева и справа ни тварям, ни разумным не получится с ходу. Между форпостами, расположенными параллельно границе с Прядью, настоящие засеки, волчьи ямы, ловушки и рвы с валами. Чтобы это преодолеть – нужно сильно постараться. А магические маяки предупредят форпосты, что кто-то штурмует заграждения. Именно потому искатели проходят в Прядь исключительно через крепости, и никак иначе. Именно потому форпосты вдоль границы прозвали Чертой.

В крепости раздался шум: пограничники выскакивали из казарм с оружием и сразу бежали к своим местам, определённым распорядком по боевой тревоге. Мы так часто и упорно тренировались, что каждый с закрытыми глазами мог определить то место, которое ему полагается. Часть – у стреломётов и катапульт. Часть – у бочек с горючей земляной смолой. Часть, вооружённая пиками и баграми – на стене. Вот и сейчас расчёты катапульт становились возле орудий, накладывая в чаши горшки с земляным огнём. По команде они подожгут горшки, и катапульты, распрямляясь, кинут огонь во врага. А потом туда полетят камни, и тяжёлые стрелы, пробивающие самое огромное и бронированное чудище. Тем более, такие сейчас к нам и приближались – сразу два десятка лацертов.

Как-то я слышал, что лацерты жили раньше не только в Пряди, но и в обычном мире, и тогда они безраздельно властвовали над планетой. Оно и неудивительно: представьте чудовище размером с трёх слонов, чешуйчатое, с мощными задними лапами и огромным шипастым хвостом, которым лацерта запросто снесёт обычный сельский домик с одного удара. А ещё есть передние лапы, поменьше, но тоже мощные, с когтями. И вытянутая пасть, полная огромных, острых клыков. Лацерта с лёгкостью перекусывала лошадь и тут же пожирала расчленённую тушу, заглатывая всего коня в два приёма. Человека она глотала за раз. Но потом что-то случилось в нашем мире, и лацерты вымерли здесь, оставшись только в Пряди. Правда, за правдоподобность подобной версии ручаться не буду, так как самих лацерт видел исключительно выползающими из Пряди. Да и то давным-давно…

Пока я размышлял и вглядывался в темноту, к нам на стену взбежал капитан и спросил громко:

- Ино, что там?..

Глава 7. Битва за форпост

Горящие стрелы прочертили ночь, и вспыхнули факелы, а также несколько узких корыт с земляной смолой. И приграничники в ужасе выдохнули. На форпост, медленно покачиваясь, шагали гигантские лацерты. Капитан Лам, который мне не совсем поверил, схватился за крестик и заорал срывающимся голосом:

- Стреломёты к бою! Катапульты – товсь!

Приграничники принялись крутить ручки и рычаги, натягивающие гигантскую тетиву. Другие, как на учениях, вставляли в ложе здоровенные стрелы, третьи наводили стреломёты на идущих к Квинку тварей.

- Пли! – истошно заорал офицер, и пять стреломётов, бумкнув тетивой, выпустили стрелы, размерами превосходящие рыцарские копья. Четыре из них попали в цель, потому как промахнуться мимо гигантский исчадий было достаточно сложно. Лишь пятая, из-за замешкавшегося наводчика, ударила в землю, шагов за пятьдесят перед лацертами. Впрочем, и этих четырёх попаданий хватило. Четыре исполина, пробитые стрелами, упали на землю, оглашая ночь истошным рёвом. А пока приграничники вновь натягивали тетивы, другие уже закончили взвод катапульт. Капитан ждал, так как расстояние, на которые последние метали камни и горшки с земляной смолой, было чётко выверено, и там стояли специальные флажки. И когда чудовища поравнялись с этой чертой, капитан заорал:

- Катапульты, пли!

Пять орудий выплюнули по десятку огромных горшков с земляной смолой, и те, вращаясь, полетели вперёд. Горшки крутились в воздухе, искрясь подожжёнными фитилями. И когда упали, накрыв огромную территорию, вспыхнули расплескавшимся смоляным огнём. В итоге ещё десяток тварей занялись пламенем, присоединив свой яростный, полный боли рык к рыку раненых стрелами. Оставшиеся лацерты, не попавшие под стрелы и огонь затоптались на месте, опасаясь идти вперёд – через пламя и беснующихся сородичей. Но и уходить не спешили. И Баблер, нарисовавшийся возле меня, проговорил угрюмо:

- Их кто-то ведёт!

Я покосился на Линга, озвучившего очевидную вещь, но кивнул ему, показывая, что соглашаюсь. В такие моменты проявлять сарказм – не самая лучшая идея. Шутить можно потом, за кубком вина, когда опасность уже позади. Стреломёты опять тренькнули натужно и басовито, и ещё пять гигантских стрел улетели в кучу лацерт. И вновь приграничники, дурея от натуги, принялись натягивать тетивы. А тот, что руководил гигантами, решил послать оставшихся чудищ напролом, и шесть лацерт, разметав валяющихся или мечущихся тварей, кинулись к стене, перейдя на бег. Мне показалось, что земля от их топота завибрировала, но некогда было прислушиваться, чтобы понять, так ли это на самом деле. Я покосился на Баблера и спросил:

- Ты или я?

- Давай ты, Ино, - Баблер пошевелил пальцами, отчего звякнули его перчатки, и добавил: - Я подстрахую, если что!

Я кивнул, развёл руки и, на глазах изумлённого капитана, резко ударил наручами друг о друга, сцепив их и направив перекрещенные предплечья на бегущих тварей. Я успел выставить назад правую ногу, чтобы максимально плотно упереться, но даже в таком положении откат оказался такой силы, что меня потащило к краю стены. А из наручей ударил яркий столб ветвящегося пламени. Баблер встал за моей спиной, удерживая меня, а я водил руками, переводя огонь с одной твари на другую, чувствуя, как потрескивают волосы и холодит нестерпимым ужасом лицо. И только когда последняя тварь была уничтожена, я расцепил руки и обессиленно выдохнул.

- Что, демоны всех раздери, происходит? – прошептал бледный от ужаса Кордис Лам. И непонятно было, чего он боится больше – напавших тварей или меня. Потому как капитан закричал почти истерично: - Кто ты такой, демон тебе в глотку?

- Я тот, - я сплюнул горькую слюну себе под ноги, - Кто поможет тебе удержать крепость! Я приграничник, десятник первого десятка четвёртого взвода.

Баблер вышел из-за моей спины и сказал успокаивающе офицеру:

- Господин Лам, сейчас не время выяснять, кто на стенах. Главное – кто под ними. Атака только началась. Впереди нас ждёт полный… - Линг скривился, но закончил почти весело: - Потому прекращай истерику и готовь людей. Будет вторая волна.

- Она уже идёт, - проговорил я, - Спумаи и аспиды. Спумаев – две сотни. Аспидов – два десятка!

Капитан даже не стал спрашивать, откуда я знаю. Видимо, зрелище со столбом огня, бьющим из моих рук, вернее, наручей, его впечатлило. Потому заорал вниз:

- Арбалетчики на стену! Катапульты – заряжай горшками!

- Лучше камнями! Против спумаев и аспидов они будут эффективнее, - сказал появившийся Торвус Хом. Подошёл к нам с Баблером и спросил у меня: - Насколько всё серьёзно?

- Торвус, ты знаешь их? Давно? – спросил Лам. Он смотрел на нас троих с каким-то чувством изумления, перемешанного со страхом.

Торвус отмахнулся, а я ответил капитану:

- Мы всё расскажем, если выживем, Кордис Лам. Обороняй форпост! Ты здесь главный.

И капитан заорал вниз:

- Катапульты камнями! Заряжай!

А я выпил почти всю воду из фляги и ответил Торвусу, вытерев рот:

- Серьёзно! Первую волну мы отбили, но я чувствую ещё минимум две. Что нам готовят дальше – неизвестно.

У капитана замерцал на шее амулет, и он проговорил жалобно:

- Нападение на Кватор, Трес и Сикс.

- Атакуют по всему фронту, твари, - проговорил спокойно Баблер, и повернулся к Торвусу: - Спорим, что все семь форпостов будут атакованы?

- Даже спорить не хочу, - хмуро ответил Хом, - Вот если б ты сказал, сколько из них устоит…

Баблер посуровел лицом и кивнул. Если здесь нас трое, и мы поможем, то вот в других крепостях придётся положиться лишь на свои силы. Кроме форпоста, где Лет Алис. Но и он один среди приграничников. А вот другие, если на них такие же накаты, даже не знаю, сумеют ли удержать крепости. И если нет, то вполне вероятно, что к утру мы будем уже окружены тварями со всех сторон. Впрочем, долго размышлять нам не позволили. Потому как в освещённое пространство выскочили спумаи и кинулись к стене. Белесые, безгубые исчадия неслись вскачь, огромными прыжками преодолевая расстояние до крепости. По приказу капитана ударили катапульты, и град камней накрыл толпу тварей Пряди. Булыжники в кулак величиной проламывали тела чудищ, и те падали десятками, но бóльшая часть их прорвалась через обстреливаемое место. И тут вступили в дело арбалетчики. Правда, они смогли сделать всего пару залпов, и вот белесые уроды уже карабкались на стену. Ещё миг – и спумаи оказались на стене. Я выхватил меч и завертелся, рубя тварей Пряди. Слева рубился Баблер, а справа – Торвус. Мы ускорялись до предела, выкашивая слишком медленных для нас существ, но их было слишком много. Они лезли слева и справа, приграничники бились с ними, погибали, но пока ещё стояли. И в какой-то момент напор спумаев ослабел, а потом и вовсе спал, но тут над частоколом показалась голова аспида, а стена содрогнулась от частых ударов. И в это время в дело вступил Баблер.

Линг закинул в ножны меч, вытянул вперёд руки в латных перчатках, и с них сорвались синие языки холода. Холод этот, жуткий, запредельный, моментально замораживал всё, чего касался, и только мастерство носителя перчаток позволяло не превратить всё кругом в вымерзшую пустыню. Я видел много раз, как живое и неживое от воздействия перчаток превращалось в ледяные изваяние, рассыпавшиеся потом при небольшом ударе на кучу осколков. Так страшна была эта сила холода, что даже камни и деревья не выдерживали её, лопаясь от запредельной жути. Именно потому Баблер морозил аспидов точечно, не затрагивая ни стены, ни нас, ни приграничников. В какой-то момент он подошёл к раю стены и шагнул вниз. Оставшиеся в живых приграничники охнули, но мы с Торвусом тут же шагнули следом, чтобы прикрыть, в случае чего, балабола Баблера. Торвус и я, пока Линг морозил оставшуюся нечисть, быстрыми ударами меча разбивали ледяные статуи, в которые превратились аспиды, и, признаюсь, мне это доставляло настоящее удовольствие. Последняя пара аспидов застыла, распахнув пасти, а Баблер опустился устало прямо на землю и выдохнул:

- Всё, теперь и я пуст!

Я похлопал по плечу Линга и снёс мечом очередную голову замёрзшей твари. Проговорил нейтрально:

- У нас есть наше умение, мечи и Торвус. Да и силы восстановятся в течение пары суток.

- Это у тебя в течение пары суток, - скривился Баблер, поднимаясь тяжело на ноги, - Лично мне неделю надо!

Торвус добил последнюю статую, зачем-то покрошил каблуками осколки и повернулся к нам:

- Мне тоже неделю восстанавливаться надо после применения. Но пока ж ещё не применил.

- Так и не известно, сколько атак будет, - я сплюнул и проговорил: - Береги силы щита до последнего. Чую, это будет нашим последним и единственным шансом.

И тут из темноты ко мне шагнул стеклянный волк. Баблер вскинул было клинок, но тут же опустил, а я подозвал Глупыша, потрепал его по холке, а Торвус сказал задумчиво:

- Надо бы его с собой в крепость взять. Он десяти людей сто́ит!

Я покачал головой и посмотрел во тьму:

- В крепости толку от него мало. А здесь он может пригодиться. И как разведчик, и как засадный полк.

- Скорее уж засадный волк, - хохотнул Баблер. Но посмотрел на меня и осёкся. Сказал примирительно: - Ино, шутка помогает!

Я растянул губы в улыбке, надеясь, что сделал это максимально искренне. По крайней мере, я старался изо всех сил. Вновь потрепал Глупыша и сказал тихо:

- Иди в ночь и жди там! Если призову, прибудешь!

Глупыш рыкнул и растворился, а Баблер хмыкнул завистливо и проговорил:

- Умеешь ты, Ино, с животными.

- Стеклянный волк не совсем животное. У него разум если и уступает человеческому, то совсем немного.

- А если с разумом Торвуса сравнить, так и выигрывает, - осклабился Линг, - Эх, жаль Чучела твоего не хватает! Вот от кого точно польза была бы!

Я кивнул, встал на верёвочную лестницу, которую сбросили нам со стены и проговорил:

- Не переживай, Чучело скоро будет здесь. Я уже свистнул…

Глава 8. Четверо

Пятую атаку тварей мы отбили рано утром, но из ста двадцати приграничников форпоста в живых осталась ровно половина. После аспидов нас атаковали мантикоры, затем, похожие на растения хедеры. И в завершение – отряд изменённых. Последние оказались самыми опасными и самыми страшными. Бывшие эльфы, гномы, люди, попавшие в Прядь и изменившиеся там. Либо жившие в Пряди. Никто не знал, откуда брались изменённые. Но были эти бывшие разумные крепче, сильнее, а главное – обладали жуткой страстью к уничтожению, и частично сохранившимся разумом. Но отличались они коренным образом – узловатые локти и колени, коричневая, будто кора дерева кожа, обладающая прочностью кольчуги, и почти полная неустрашимость.

Когда закончился последний бой, капитан Лам уже не спрашивал, кто мы такие. Он просто спрашивал – отобьёмся ли? И когда слышал утвердительный ответ, вытирал вспотевшее лицо и расставлял выживших людей на места. А мы сумели сохранить наш последний резерв – силу щита Торвуса, хотя, честно говоря, я уже думал, что не выстоим. Но вот показались первые лучи солнца, и мы выдохнули, оглядывая поле под стеной форпоста. Жуткое поле, истерзанное камнями, огнём и сотнями трупов исчадий, штурмующих всю ночь нашу крепость. Я сел прямо на стене и с жадностью принялся пить, пока Баблер объяснял капитану, что теперь можно собирать убитых, раненых и хотя бы немного отдохнуть.

- Так ведь твари и днём атакуют, - стоял на своём Лам.

- Твари – да, - Баблер сосредоточенно чистил свой меч, - А вот те, кто ими управляет – нет. Они только по ночам бодрствуют. Потому, говорю тебе – до заката можно спокойно заниматься своими делами.

- А если твари сами нападут? – офицер хотел поверить Баблеру, но обязан был сомневаться, так как отвечал не только за форпост, но и за жизни своих подчинённых. И вообще, этот молодой офицер нравился мне всё больше.

- Твари хоть раз нападали на форпост? – спокойно спросил Линг начальника гарнизона.

- Нет, - прояснел лицом Лам, - Только в степи.

- Потому что они не тупые. И переть на стену по собственной воле не будут!

- Так, а чего прут? - встрял в разговор Михей. Он выжил, и я, пожалуй, был этому рад.

- Потому что их гонят на стены Кукловоды.

- А кто эти Кукловоды? – спросил теперь капитан.

- Те, кто спит днём и бодрствует по ночам, - ответил уже я, - Капитан, давай похороним убитых, подлечим раненых и дадим бойцам отдых. До заката нам ничего не угрожает.

- А после заката? - теперь в разговор включился и Валдис. Тоже уцелевший, непонятно каким чудом. Потому как юноша кидался в самую гущу схватки.

- А после заката вновь будем пытаться выжить, - я потрогал наручи, - Потому как победить пока что мы не в состоянии.

Капитан скривился чуть и принялся отдавать приказания по захоронению погибших. А час спустя подошёл ко мне и Баблеру и проговорил:

- Королевские войска уже спешат. Им надо не так много времени…

- Минимум неделя, - качнул головой Баблер Линг, - А нас осталась половина. Что на других форпостах – мы даже не знаем. И если переживём вторую ночь, то третью точно не протянем.

- Так что же? – капитан смотрел на нас красными от недосыпа и отчаяния глазами: - Уходить? Бросить форпост?

- Разве был такой приказ? – я удивлённо поднял бровь. Посмотрел в голубое небо и заговорил тихо: - Мы приняли присягу. Мы – приграничники. И у нас приказ защищать форпост до последнего, пока не последует другого приказа…

- Но, если вы говорите, - голос Кордиса Лама был тусклым и безжизненным.

- Мы говорим о том, что королевская армия будет здесь не раньше, чем через неделю, - пожал я плечами и неодобрительно покосился на Баблера, - Баблер предполагает, что третьей ночи мы не переживём, но он всегда был пессимистом и балаболом. И какие бы предположения мы ни строили – у нас есть присяга и приказ – защищать Квинк! Потому, капитан, если не передумал служить королевству – отправляй бойцов спать. После обеда постараемся приготовить для тварей несколько ловушек…

После обеда в крепости поднялся шум. Дозорный на стене увидел группу разумных, приближающихся к Квинку со стороны Альбусурба. Мы с капитаном выскочили к воротам и увидели приграничников, будто пропущенных через все муки ада. Грязные, забрызганные кровью, в гнутых доспехах и с выщербленными щитами смотрелись бойцы печально. Но шли к нам, а не в тыл. Не в Альбусурб, где у них были все шансы выжить в мощной крепости от любых атак тварей. Кордис Лам лично выбежал навстречу и спросил:

- Какая крепость? Кто главный?

- Форпост Кватор, - ответил хорошо знакомый мне голос, - Старший я, сержант Лет Алис! Наш капитан погиб, а я принял решение всем, кто выжил, идти к вам, в ближайший форпост.

- Сколько вас? – отрывисто спросил Лам.

- Тридцать четыре человека, - ответил Алис. Заметил, что я смотрю на него, и еле заметно кивнул, вытерев рукавом пыльное лицо.

К концу дня к нам пришли ещё три группы приграничников из форпостов Септим, Дуо и Трес. И нас стало даже больше, чем было – сто восемьдесят бойцов. Уже опытных. Истерзанных, но не сломленных. Именно из таких бойцов куются потом костяки железных бригад, способных пройти от моря до моря, сдвинуть горы и сдохнуть, но выполнить приказ, побеждая всех вокруг. Правда, офицеров кроме Кордиса Лама больше не было. Остальные капитаны погибли.

После обеда мы с несколькими десятками бойцов нашего форпоста готовили сюрпризы. Потому как прибывшим надо было отдохнуть, а приграничники Квинка поспали, пусть и до обеда. А вечером капитан расставил людей на стене. Торвус, Баблер, Лет и я получили в подчинение по взводу и расположили людей на стенах. Теперь не только на той, что смотрела в сторону Пряди, но и на остальных. Потому как твари, судя по всему, прорвали границу…

А вечером к Квинку примчал Чучело. И заржал под воротами грозно и вызывающе. И я вышел навстречу другу, потрепал его по чёрной гриве и на миг прижался лбом к шее, чувствуя, как раздуваются его ноздри в предвкушении битвы. Конь мой конём был отчасти. В той же степени, в которой Глупыш являлся волком. Однажды какие-то глупцы пытались украсть Чучело, и потом всё селение со страхом осматривало ошмётки разумных возле конюшни постоялого двора, где мы с ним остановились. Люди тогда долго гадали, что за невиданный хищник растерзал несчастных, а Чучело стоял и спокойно жевал сено, поглядывая на бестолковых селян своим антрацитовым глазом…

Когда солнце коснулось горизонта, я осмотрел всех своих старых друзей и спросил:

- Кто-то знает, зачем нас призвали именно сюда?

Когда Торвус, Баблер и Лет отрицательно покачали головами, я тяжело вздохнул:

- Предположения есть?

И снова синхронное покачивание головами.

- Тогда сражаемся, и да поможет нам Бог!

Я повернулся к Пряди и пристально всмотрелся в горизонт, начинающий расплываться в наступающих сумерках. Баблер тихо спросил:

- Ино, а у тебя есть предположение?

Я пожал плечами, не желая нужным делиться своими соображениями даже с ними. У каждого из нас свой интерес и своя мотивация. Для своей я придумал оправдание. Пусть и они придумывают то, что им понравится больше. Тем более, время говорить иссякло. Настало время сражаться. И я, так как чувствовал всё лучше них, проговорил негромко, зная, что моим словам чутко внимают:

- Четыре марида движутся к нам!

Баблер тут же заорал вниз:

- Заряжай катапульты горшками с земляной смолой!

Лет Алис провёл указательным пальцем по краю своего круглого щита с огненным умбоном. А Торвус Хом подумал немного и пока отложил свой лук. Я кивнул одобрительно и достал из-за пояса свой меч, который гномы называли Каладболгом. Лет сказал немного хрипло, растягивая слова в южной манере, от которой он так и не избавился, хотя на юге почти и не бывал:

- Маридов нельзя пускать к стенам. Сожгут. Если их не остановят горшки, двоим из нас придётся прыгать со стены. Кому?

- Скажи ты, - глянул я на Алиса, - Ты лучший по демонам.

- Тогда это будем ты и я, - хищно ощерился Лет и подмигнул: - Давно мы не бились плечом к плечу, а, Ино?

- Давно, - согласился я, - Но я бы предпочёл отдыхать на берегу моря, на песке, посматривая за знойной мулаткой, если уж на то пошло.

Алис захохотал громогласно и помотал головой:

- Хотел бы ты быть на море, Ино, давно бы там был. Ты ещё более сумасшедший, чем все мы, потому и вниз мы спрыгнем вдвоём!

Я кивнул головой, принимая его выбор, и перекинул из-за спины щит, ударив в него плашмя клинком:

- Катапульты – товсь!

Капитан Лам давно отдал нам все бразды правления, отказавшись даже понимать происходящее. Но сам стоял на стене, готовясь отражать нападение. Готовясь умереть за королевство и за присягу, данную этому королевству.

- Пли! – заорал я, и горшки с зажигательной смесью взвились в воздух, вертясь и чадя слабым ещё дымом. Четыре марида только вышли из тьмы, как их накрыл рой огненных снарядов, разбивающихся и тут же заливающих всё горящей чёрной смолой. Два марида не успели увернуться и теперь катались по земле, жутко воя, но ещё два, попросту перепрыгнув через своих собратьев, кинулись к форпосту.

- Вниз! – заорал Лет и сиганул со стены. Я тут же последовал за ним, тормозя падение потоком ветра и планируя чуть дальше от частокола, навстречу правому демону. Марид был высок – в полтора человеческих роста, с плечами и коленями, увенчивающимися безобразно острыми костяными шипами. Голый череп демона украшали короткие рога, а провал на месте носа раздувался, выплёскивая язычки пламени. Я не смотрел в сторону Лета, полагая, что второй демон – лишь его проблема. И кинулся к своей цели, яростно вопя и размахивая щитом. Тупоголовый марид попался на уловку, ударив когтями именно в щит, и я выкинул вперёд меч, пронзая тварь Пряди. Если бы я ударил его обычным оружием, то вряд ли пробил бы броню, которой, будто кожей, обтянут демон. Но мой клинок из небесной стали не был обычным оружием, как и клинки Торвуса, Баблера и Лета. И потому меч пробил марида навылет, а гарда уткнулась в грудь демона. Так как я вплотную сблизился с тварью, то увидел прямо перед собой ошмётья кожи в носовом провале, клыки, торчащие из зловонной пасти, а также полыхающие пламенем глаза чудища. И изумление плескалось в этих глазах наряду с пламенем. Марид узнал меня…

Глава 9. Рекс

Арабхары появились уже под утро, когда мы вымотанные, измочаленные, но всё ещё живые и не сломленные, защищали изрядно потрёпанную стену, отбив пять атак тварей. Я почуял холод и сказал негромко, зная, что Торвус Хом меня обязательно услышит:

- Время волшебных стрел, Суровый!

Торвус засмеялся своим трескучим, похожим на скрип жерновов смехом, хлопнул в ладоши и ухватился за артефакт. С этим луком Хому не нужны были колчан и стрелы. Не надо было следить за тетивой. Лук, признавший хозяина, преображался в руках его. И стоило Торвусу щепотью взять воображаемую тетиву, как она появлялась наяву, горящая, полупрозрачная, а в пальцах у Хома материализовалась ледяная стрела. И выцеливать особенно тоже не требовалось. Стрелóк глазом фиксировал цель, и ледяные молнии срывались и летели к ней, как бы она не маневрировала и не укрывалась. Если б таких стрел в запасе у Торвуса было хотя бы полсотни – он давно стал бы повелителем мира. Но, лук выдавал за раз не более пятнадцати ледяных молний. И потом неделю Торвус набирался сил. Говорят, у мифических ледяных великанов, живших тысячи лет назад на планете, луки эти стреляли без перерыва. Но я сильно сомневаюсь в этом утверждении. Если б это было так, то куда делись эти великаны? Ведь ледяной лук – воистину страшное оружие, противопоставить которому нечего. Я ещё не видел щита, способного удержать ледяную молнию. Я не встречал существа, сумевшего выжить после такого выстрела. Я не наблюдал оружия, способного отбить стрелу ледяного лука исчезнувших великанов…

- Сколько тварей? – весело спросил Торвус.

- Два десятка, - ответил я, и мне показалось, будто облачно пара выпорхнуло изо рта.

- Арбалетчики, товсь! – заорал Баблер, - Смотрим на небо! Любая летающая тварь, прорвавшаяся через стрелы Торвуса – ваша цель! Цельтесь в крылья! Они огромные, тяжелее промахнуться. Да и с пробитыми крыльями твари уже не так опасны!

Приграничники никогда не сталкивались с арабхарами. Но оно и неудивительно. Эти твари живут в самой глубине Пряди и редко появляются в нашем мире. Лично я помню лишь две таких вылазки. Правда, оба раза арабхары успели наделать беды. Первый раз они полностью уничтожили небольшой город и пару десятков селений. Второй раз перебили сразу несколько караванов. Летающие исчадия напоминали гигантский змей с широченными, кожаными перепончатыми крыльями. Атаковали сверху, замораживая противника, оттого и понизилась температура, так как вместе с ними всегда приходил холод. Я подумал, что это особый вид иронии – бить тварей стужи ледяными стрелами, поражая подобное подобным, и усмехнулся, поудобнее перехватывая свой меч. Щит я отбросил за ненадобностью – от атаки арабхары он не спасёт, а вот уворачиваться без него сподручнее.

Когда летающие монстры появились, даже обычно сдержанный капитан Лам заматерился долго и витиевато, а приграничники удивлённо выдохнули. Тела змей даже отсюда казались гигантскими, впрочем, такими и были. От пасти до хвоста каждая арабхара достигала длины четырёх-пяти взрослых мужчин. Но когда запел ледяной лук Торвуса, а его ледяные молнии принялись бить цели, приграничники радостно заорали. Лук пел, а твари падали вниз, сражённые блестящими молниями…

Но четыре арабхары прорвались сквозь лёд Торвуса. И тут же попали под град болтов приграничников. И три из них закувыркались вниз, пробитые одним или несколькими арбалетными болтами. И только одна, зайдя в пике, атаковала стену. И, почему-то, выбрала Лета. Более дурацкого выбора я и представить себе не мог, ибо Лет был воплощением смерти! Уж в этом мире точно. Потому я не волновался особо за прорвавшуюся тварь. А о её ошибке ей сообщил сам Лет. Он изогнулся весь, уходя от удара летающего змея, подпрыгнул вверх

и рубанул двумя клинками крест-накрест. На стену упала голова и часть крыла твари Пряди. А Лет, приземлившись, с холодным интересом смотрел, как арбалетчики добивают стрелами копошащихся под стеной арабхаров.

В это время первые лучи солнца показались над горизонтом, и Баблер сплюнул со стены вниз с неким весёлым презрением:

- На сегодня всё, друзья-приграничники. Концерт по заявкам окончен, все актёры разошлись по гримёркам!

- Это по чьим же заявкам такой концерт у нас? – хохотнул немного истерично Валдис, который за пару месяцев из богатенького наследника и баловня превратился в настоящего бойца.

- А это, мой юный друг, мы вполне можем скоро узнать. Но не думаю, что это знание нам с тобой понравится, - Линг тщательно вытер свой меч и закинул его в ножны. Повернулся к капитану Ламу и сказал: - Господин офицер, распределите наряды на день, и пусть люди отдыхают. Вторую ночь мы продержались, и у нас есть неплохой шанс дожить до третьей.

А я вдруг услышал, как заржал внизу Чучело, тревожно и предупреждающе. Ощутил, как мириады иголок будто прошли по всему телу, и повернулся к Баблеру, проговорив тихо и хрипло:

- Нам пора!

Я всегда чуял его раньше всех, уж не знаю, почему. Остальные это знали, потому Баблер тут же убрал вечную ухмылку со своего лица, Лет Алис выпрямился и тревожно глянул на меня, а Торвус Хом лишь кивнул и спросил тихо:

- Где?

Я молча ткнул рукой по направлению к северным воротам, выходящим в сторону Альбусурба, и мы синхронно шагнули со стены, готовясь встречать того, кто призвал нас сюда, на границу с Прядью. Того, кому поклялись служить много лет назад. Кто примирил нас и не позволил убить друг друга. Кто появлялся не так часто, но всегда неожиданно и эффектно, в моменты самых значительных событий для этого мира. Мы шагали вчетвером через крепость, и приграничники, уже увидевшие нашу силу, молча расступались, даже не смея спрашивать, куда мы идём. Потому как все были обязаны нам своей жизнью. А мы, шагая почему-то в ногу, прошли до северной калитки, открыли её и двинулись по дороге, пока ещё не видя того, кому присягнули. Но в какой-то момент я моргнул, и понял, что на дороге стоит одинокая фигура, за спиной которой возвышается, чёрт побери, буйвол. Наверняка тот самый, отметина от чьего рога так и осталась на правой ягодице Баблера. Линг, тоже увидев буйвола, невольно потянулся рукой к заднице, и Лет, увидевший это движение, не смог сдержаться и еле слышно хохотнул. Баблер покраснел, покосился на Лета и руку убрал, сделав своё красное лицо максимально бесстрастным. Так мы и подошли к ожидающему нас…

И все четверо опустились на правое колено, склонив головы перед сюзереном.

- Рекс, - произнёс Лет Алис, - Мы рады приветствовать вас!

- А я рад, что вы рады, - Рекс взмахнул рукой, позволяя нам подняться, и посмотрел с прищуром на потрёпанный тварями форпост: - Надеюсь, вам понравилось веселье? А то я слышал, что вы заскучали последние годы.

Мы переглянулись, и каждый пытался понять, от кого Рекс услышал такое, и кто с ним был на связи. Я бы поставил на Торвуса, но уверен, что Лет и Баблер подумали на меня. А Линг, тут же усмехнувшись, проговорил весело:

- Сир, вот кому-кому, а мне скучать точно не приходилось!

- Слышал, - кивнул наш сюзерен, - Что в одном из южных королевств гетеры до сих пор рассказывают легенды о северном жеребце…

- Осмелюсь заметить, сир, - вступил в разговор Торвус, - Что если Баблера и можно назвать жеребцом, так только оттого, что он вечно ржёт и лягается в постели во сне.

Лет заржал весело и хлопнул Баблера по плечу. А тот засмеялся шутке варвара и проговорил самодовольно:

- Зависть плохое чувство, Хом! Оно разъедает мужчину и лишает его мужской силы.

Я же молчал и посматривал в карие, с золотистыми искорками глаза Рекса. Они были бесстрастными, а значит, сейчас он будет говорить серьёзно. И догадка меня не подвела. Сюзерен кашлянул чуть и проговорил:

- Я не стал ждать большой войны, потому как она погрузит весь материк, а после и мир в хаос. Потому и призвал вас. Прядь пытается расшириться, и мы должны этому помешать.

- Приказывайте, сир! – это сказал Торвус, но головы наклонили мы все четверо.

- Пока никаких приказаний, - мотнул головой Рекс. Огладил рукой усы и бороду и проговорил: - Мы просто уничтожим тех, кто руководит тварями. А для этого мне нужны будут все ваши силы!

Сюзерен подошёл и каждого коснулся рукой, и я почуял, как магия вернулась в меня, а наручи слабо завибрировали, наполненные новой силой. То же самое, уверен, было и у истощившихся собратьев. А Рекс, кивнув нам, широко пошагал к форпосту, на ходу произнеся:

- Представьте меня приграничникам, а после мы отправимся к Пряди.

- Как представить вас, сир? – спросил я, и сюзерен кинул на меня взгляд и усмехнулся:

- Пусть я, как и есть, буду Найтеном. И вам не придётся запоминать новое имя.

Мы вошли в крепость в гробовом молчании. Буйвол, следовавший за нами, остановился у калитки, лениво поглядывая вокруг своими налитыми кровью глазами. Приграничники просто смотрели на нас, стоя во дворе и на стенах, и ничего не спрашивали. Лишь капитан Лам пошёл навстречу и остановился перед Рексом. Видя нашу почтительность, он не понимал, как ему себя вести с вождём, но тот сам нарушил молчание, раздвинув губы в улыбке:

- Доброе утро, капитан! Я Найтен Рекс, если можно так выразиться – предводитель этих четырёх достойных граждан. Мы, если позволите, пройдём через вашу крепость и двинемся дальше, к Пряди, чтобы постараться уничтожить угрозу.

- Но… - побледнел капитан, - Мы даже за стенами с трудом смогли отбиться…

- Это единственный шанс, - Рекс говорил мягко, но я вновь слышал в его голосе металлические нотки. Будто железные шары тёрлись друг о друга.

- Хорошо, господин Рекс, - капитан даже не понял, что Рекс – это не фамилия, а должность, вернее, звание. Заслуженное и вечное. Впрочем, так было даже лучше, - Вы можете распоряжаться и нами так, как вам заблагорассудится, лишь бы остановить тварей.

- Вы останетесь здесь и будете продолжать службу, - качнул головой Рекс. Потом прислушался к чему-то, повернулся ко мне и спросил: - Ино, Чучело с тобой?

- Почти всегда, сир! – почтительно ответил я.

Рекс кивнул удивлённо и одобрительно одновременно и проговорил тихо:

- Ты не устаёшь меня удивлять, Пинатум! Я думал, что приручить такую тварь невозможно.

- Это не совсем приручение, сир, - всё так же почтительно ответил я, - У нас с Чучелом своего рода соглашение. Он служит мне, а я ему. И защищаем мы друг друга одинаково…

- Но он следует за тобой, а не ты за ним, - Рекс не спрашивал, утверждал, и я склонил голову, признавая его правоту. А сюзерен повернулся вновь к капитану: - Прикажите открыть нам ворота, мы выдвигаемся прямо сейчас.

Глава 10. У Пряди

Мы ехали верхом: Рекс на буйволе, я на Чучеле, а остальные на обычных лошадях. Глупыш, увидев, что я уезжаю из крепости, выскочил из-за холма и подбежал ко мне, потрусив рядом со стременем. Кони захрапели испуганно, и мои друзья еле смогли их успокоить. Буйвол же, казалось, вовсе не обратил внимания на стеклянного волка, а Чучело лишь скосил левый глаз на нового спутника, всхрапнул презрительно и повёл шеей, будто показывая, что, если что – спуску не даст! Глупыш принюхался к Чучелу и… лизнул его бок, будто признавая родство и его старшинство над собой. Чучело уже благосклоннее посмотрел на стеклянного волка, и когда мы встали на привал, даже позволил ему лечь с собой рядом. Мы быстро достали нехитрую снедь, сели на поваленное бревно, не чинясь и не соблюдая субординаций. В походе равны все. Таков старинный закон, которому тысячи лет. А Рекс, мановением руки разведя костёр, присел рядом с нами на поваленное бревно и заговорил медленно, веско:

- Те кукловоды, что ведут тварей на наш мир, считают, будто останутся безнаказанными. А так быть не должно. Тем более, насколько я помню, - Найтон посмотрел на Торвуса: - У нашего варвара к ним особые счёты?

Хом засопел согласно и кивнул головой, обгладывая старательно копчёную куриную ножку. Кость, немного подумав, Торвус кинул стеклянному волку. Но тот лишь рыкнул, понюхав её, и глянул на меня.

- Бери! – кинул я Глупышу целый кусок мяса, и тот, изогнувшись в прыжке, поймал мясо и, не разжёвывая, проглотил.

Рекс пригладил большим и указательным пальцами бороду, а в диалог вступил Лет:

- Да у всех у нас, если так посмотреть, есть счёты к Пряди. Что, не так?

- Так, - кивнул Баблер, отрезая от круга пластину сыра и тут же с ножа отправляя её в рот, - У меня к ним вообще разговор душевный. Ещё с поры Мирахской резни…

- Вот и постараемся за всё поквитаться, - чуть прикрыл глаза Найтен.

- А почему бы не пойти с армией, Рекс? – спросил Баблер, пережёвывая сыр и самозабвенно щурясь.

- Мне кажется, если появится армия, то кукловоды сразу уйдут, - покачал головой наш сюзерен, - Это первое. Второе – как бы странно ни звучало, но армии пройти будет сложнее. Кукловоды спустят на армию всех тварей. А впятером нам будет намного быстрее и удобнее.

- Тем более, если эти пятеро – мы! – самодовольно хмыкнул Баблер, и Рекс кивнул одобрительно. Потом продолжил вновь:

- Да и шансов победить у нас у самих больше. Я не говорю про шансы выжить, мы их никогда не просчитываем…

- Ибо быть воином – жить вечно, - глухо проговорил я, тронув занывший вдруг шрам под левой грудью.

Баблер тоже перестал ухмыляться и проговорил необычно серьёзно для него:

- Только возрождаться…

И замолчал тяжело. Замолчали и мы, так как были согласны со своим соратником. Но такова уж у нас доля. У всех пяти. Вернее, у четырёх, так как от Рекса я историй никаких не слышал, и непонятно было, так же у него, как у нас, либо по-иному. Ибо он – Вождь. Пусть теперь и без своего народа, эпоха которого ушла давным-давно. Но пока есть у него хотя бы один вассал, присягнувший на верность – он остаётся вождём. А мы будем идти за ним, пока сможем. Или выполнять иные распоряжения, как бывало уже не раз.

Из глубокой задумчивости нас вывел Рекс. Хлопнул в ладоши и проговорил весело:

- Ну что, друзья, поднимаемся! Вперёд! До кукловодов ещё ехать и ехать.

Уже когда мы покачивались в сёдлах, все, кроме Рекса, просто восседавшего на широченной спине буйвола, Торвус спросил тихо:

- А как кукловодов этих зовут-то хоть?

- А вот мы у них и спросим, - захохотал Баблер, вспугнув с ветки чахлого, искорёженного близостью Пряди дерева, десяток ворон. А на хохот нашего шутника выполз из какой-то норы гурдыл…

Одет он был по обыкновению в полный доспех из чёрного металла. Настолько чёрного, что свет, казалось, просто пропадал в нём, не оставляя даже бликов. Такой же черноты шлем в виде конусообразной башни увенчивался рогами, а забрало изображало перекрещенные сверху и снизу клыки. Да и доспех был не литой, а будто из переплетённых жил, с торчащими в районе коленей и локтей шипами. Гурдыл лязгнул чёрным железом и прохрипел-прогудел из-под забрала:

- Добыча…

Буйвол впервые подал голос, рыкнув низко и угрожающе, но Рекс потрепал его по холке и легко соскочил на землю. Нам повезло, гурдыл был всего один. Без свиты скелетонов и своих напарников. Ибо если гурдылы шли отрядом, даже нам тяжело было бы с ними справиться. Я тоже спрыгнул с коня и потянул из ножен меч. Но Найтен поднял левую руку, приказывая мне остановиться, и снял с пояса палицу. И Торвус радостно осклабился, глядя, как крутанул в руке своё грозное оружие Рекс. Торвус, как истинный варвар, обожал любое оружие. Но палицу эту с именем «Северная звезда» просто боготворил. Металлическая резная рукоять длиной в локоть увенчивалась шипастым шаром, где каждый шип, длинной в средний палец, с лёгкостью крушил не только черепа, кости и плоть, но и любые щиты и доспехи. Помню, как Рекс сокрушил Северной звездой легендарного мага-рыцаря Утримуса, одним ударом разнеся вдребезги непробиваемый щит, а вторым размозжив голову колдуну. И палица пела, сталкиваясь с врагом, наполняя округу яростным рёвом стихии, и соединяя в себе мощь, стремительность и смертельную красоту.

Гурдым вытащил фламберг и, лязгнув, шагнул навстречу Рексу. Рыцари смерти почему-то всегда пользовались именно фламбергами. Быть может потому, что этот волнистый меч оставлял самые страшные раны. Найтон усмехнулся и швырнул в рыцаря палицу. Гурдым пытался было уклониться, но опоздал, и металлический шипастый шар врезался в середину груди. Доспехи вогнулись, лопнули, а самого рыцаря смерти просто отнесло на несколько шагов назад и бросило на спину искорёженной грудой чёрного металла. А Рекс поднял руку, пошевелил пальцами, и Северная звезда, освободившись с чавканьем из тела гурдыма, влетела обратно в ладонь хозяина. Торвус улыбался от счастья, и Баблер, поглядывая на друга, даже шутку хотел сказать, но передумал, и, глянув на меня, улыбнулся чуть смущённо.

Мы ехали почти до самого вечера, а за час до заката начали искать место для засады. Рекс указал на небольшой холм и овражек, по которому медленно протекал чахлый ручеёк. Когда мы там расположились, сюзерен озвучил план:

- Когда наступит тьма, кукловоды выползут, чтобы руководить атакой. И тогда наступит наше время!

Найтен осмотрел всех и ткнул пальцем в меня:

- Ино! Мы с тобой поскачем верхом, ибо буйвол и Чучело не убоятся любой нечисти. А вот Баблер, Лет и Торвус побегут за нами пешком. И если мы не сокрушим тварей, то это уже сделают они! Я буду работать сверху, с буйвола. И ты работай с Чучела! Чтобы не попасть под копыта друг друга.

- Понял, сир, - склонил я голову.

- Теперь вы, - Рекс повернулся к троице пеших: - Бежите за нами, и даже если мы будем ранены, либо погибнем – не останавливаться! Ваша задача – уничтожить кукловодов. Мы не

знаем, кто их будет охранять. Сколько их будет. И как они выглядят. Просто убейте всё, что похоже на тех, кто командует тварями и не похоже на обычных тварей!

- Мы поняли, сир, - ответил за всех Торвус, и все трое синхронно склонили головы, принимая приказ. В походе мы равные. И можем шутить, зубоскалить и подтрунивать. Но когда вождь отдаёт приказ – равенства нет. Мы – вассалы, принявшие клятву. И обязаны клятву исполнить, во что бы то ни стало.

Уже когда мы отвели подальше и спрятали обычных лошадей, а сами, замаскировавшись ветками, сели ожидать, Баблер тихо прошептал мне:

- Ино, если со мной что случится… - балабол посерьёзнел вдруг: - Ты же знаешь, где оставить латные перчатки и мой меч? Я прошу именно тебя сделать это…

- Хорошо, - кивнул я и пожал протянутую руку Баблера. Хотел было попросить его о том же в отношении наручей и моего меча, но понял, что он и так сделает это. Без просьбы. Потому просто молчал, глядя, как колышется в наступающих сумерках пожухлая трава. Лет, сорвав травинку, меланхолично покусывал её, перекидывая из одного уголка рта в другой, да изредка трогал щит, оглаживая огненный умбон. Торвус же сматывал и разматывал раз за разом кожаные ремешки на своих запястьях, считая количество витков. И только Рекс, по своему обыкновению, просто закрыл глаза и дремал в ожидании одного из самых опасных сражений, которое нам предстояло.

Когда солнце полностью упало за горизонт, Найтен распахнул глаза и прошептал:

- Готовимся! Они идут!

Мы никогда не спрашивали у нашего предводителя, откуда он знает, где устраивать засады, как он чувствует врагов и откуда у него невероятная способность к предвиденью. У каждого из нас свои секреты, которые мы не раскрываем даже друг другу. Так почему у него не должно быть своих? Нам важно было, что он видит, чувствует и знает. А как – уже не так и важно. Я, к примеру, тоже не рассказывал никому, почему чувствую тварей Пряди. Это был только мой секрет. И только мой шрам. Под левой грудью. Который время от времени пульсировал, наливаясь безумным холодом. Баблер же был невероятно удачлив в азартных играх. И тоже неспроста. Но и он, даже напившись медовухи, никогда не признавался, в чём секрет. Лет чуял некоторых зверей и умел управлять ими. И тоже секрет его не знал никто. Торвус… сам был ходячим секретом, потому как я даже не знал, из каких именно мест он был родом, и что за народ родил этого воина.

Я еле различил в темноте, как Рекс поднял руку и ткнул ею куда-то в степь. Посмотрел туда, прищуривая глаза, приучая их к темноте, и резко выдохнул сквозь стиснутые зубы. В нашем направлении двигалась чуть ли не армия тварей. Впереди вышагивали два десятка хедеров. За ними шли спумаи. Много. Очень много. А следом за спумаями шагали мариды, могучие, злобные. И было их около десятка. Захолодел и запульсировал мой старый шрам под левой грудью, а в районе солнечного сплетения сжалось всё от ужаса в тугой комок. Но я знал, что скоро комок этот разорвётся, выплёскивая в кровь адреналин, и я стану быстрее, свирепее и беспощаднее, чем кто-либо из этих тварей. И это позволит победить, если есть хоть малейший шанс на это. Потому как, когда я увидел кукловодов, сомнения в нашей победе лично у меня появились.

Их было трое, и передвигались они верхом на мантикорах. Огромные – в два человеческих роста высотой – кукловоды оказались похожи на самый страшный кошмар: белесые, огромные четырёхрукие исполины с тремя глазами и шевелящейся кожей, будто под ней жили тысячи и тысячи червей, ползающих хаотично внутри тварей. Но самой страшной была не шевелящаяся кожа, а маслянисто-чёрные жгуты волосы, тоже живущие своей жизнью…

Глава 11. Сражение с кукловодами

Я сунул ногу в стремя и одним взмахом взлетел в седло. Рядом со мной Рекс запрыгнул на буйвола, и мы поскакали на кукловодов, покачивающихся на мантикорах. Перед этим, сидя в засаде, мы пропустили весь отряд нечисти мимо себя и ударили сзади. Да, мы не рыцари, но мы никогда ими и не были. Я помню, как ухохатывался Торвус, когда рассказывал о появившихся почти во всех королевствах дураках, соблюдающих правила поединков и прочее. Как умирал со смеху, описывая ужимки этих закованных в железо придурков, считающих, что даже на войне нужно атаковать строем, лицом к лицу. И как говорил, что если его кто-то назовёт рыцарем, то он воспримет это как страшное оскорбление и сразу же даст в морду. Потому и сейчас мы, не рыцари, а воины, ударили сзади, потому как только это давало нам хоть какой-то шанс на победу.

Чучело и буйвол летели быстро, но почти бесшумно. И, тем не менее, нас почуяли. И вот уже гигантские белесые исполины разворачивают мантикор, громко крича что-то и размахивая своими руками. Мариды выбежали перед исполинами и кинулись на нас, но Чучело просто сбил с ног троих демонов, а я клинком рассёк четвёртого. И, понимая, что дальше шанса может не быть, скрестил наручи, направив удар на кукловодов. Я был запитан силой до основания, и мой удар оказался страшен. Один кукловод с мантикорой просто сгорели заживо, как и десяток спумаев, успевших встать на защиту исполина. Но ещё двое белесых великанов закрутили вокруг себя гигантские смерчи, и моя молния погасла, увязнув в этих грязных завихрениях. Чучело преобразился, покрылся бронёй и копытами крушил белесых мерзких тварей, устроив настоящее побоище. Спумаи ничего не могли противопоставить чудовищу, в которое превратился мой конь, а он легко перемалывал тварей Пряди. Я всё же спрыгнул с него, не мешая сражаться своему верному помощнику, и кинулся к одному из вихрей, чтобы попытаться если не магией, то хотя бы сталью дотянуться до четырёхрукой твари.

Слева от меня появился Торвус. Он остановился, расставив и чуть согнув ноги, и бил из своего ледяного лука, но не в магические коконы, так как первые две стрелы просто завязли в них, как и моя молния, а чуть дальше, в хедеров, которые, гудя многоголосо, ломились через спумаев, стараясь успеть защитить своих хозяев. Ледяные стрелы Торвуса рассекали не только хедеров, но и белесых тварей, коих было множество. А я подскочил, наконец, к магическому завихрению и ударил сталью. Но меч мой увяз, будто в густой субстанции. А внутри заверещало что-то звуком, от которого свело сразу зубы, а волосы поднялись дыбом. Я понял, что это крик ужаса, и навалился всем телом на меч, пытаясь продавить кокон. И почувствовал, что защита поддаётся, а сталь погружается всё глубже. Вначале медленно, миллиметр за миллиметром, а потом вдруг быстрее. И в какой-то момент, пока Торвус прикрывал мне спину, круша всех и вся, я провалился внутрь. Правда, попал не в четырёхрукое чудище, а в мантикору. Зато удар получился такой силы, что развалил череп монстра пополам. Тварь Пряди упала, в конвульсиях сбросив с себя седока, и исполин заверещал ещё громче, отчего у меня из глаз хлынули слёзы, а мышцы стало сводить судорогой. Я прыгнул вперёд и ударил Каладболгом ещё раз, метя в грудь орущему чудищу. Но тот выставил сразу две левых руки, и меч, хищно свистнув и завибрировав, отсёк обе конечности.

Вопль прекратился, а исполин завизжал, будто свинья. Сразу спало напряжение и стаял кокон. Из обрубков четырёхрукого била жидкость зелёного, а не красного цвета. С мерзким запахом, липкая и жгучая. А я шагнул вперёд и ударил лежащего, перерубая шею. Меч чавкнул, и исполин затих. Но тут на меня налетел марид, утробно воя и размахивая своими страшными когтями. Я отмахнулся раз, другой, третий. Клинок мой сталкивался с когтями твари со страшным скрежетом. Отлетал так, что я уже руку себе осушил. Но тут сбоку опять возник Торвус и, отбросив лук, ударил марида своим клинком, пробив бок. Я тут же снёс демону

голову и обернулся к другим тварям. Но они, о чудо, разбегались во все стороны, а Рекс устало вытирал свою палицу. Уловив мой взгляд, поднял голову и ответил на незаданный вопрос:

- Приказывать тварям некому, а сражаться с нами просто так даже мариды не хотят.

Я слушал Рекса, а сам смотрел на Баблера. Тот был живёхонек, спокойно и даже немного счастливо пытался мечом своим отрезать голову дохлой мантикоре, а увидев мой взгляд, пояснил:

- Я тут замок небольшой приобрёл по случаю – так теперь трофеи на стенах вешаю. Головы всяких зверей. Ну вот и подумал – почему бы и башку мантикоры не приколотить?

Рекс посмотрел на Баблера, покачал головой, непонятно даже – осуждающе или, наоборот, одобрительно, и поднял за шевелящиеся жгуты-волосы голову последнего кукловода. А потом лицо его поменялось, став враз властным, жёстким. Таким, каким оно бывало редко. Но именно в такие минуты даже сегодняшние корольки если видели его, спешили кланяться. А Рекс изменившимся голосом проговорил вдруг, и у меня мурашки пошли по коже:

- Ответствуй тварь, зачем гонишь исчадий на королевства разумных!

И убитый исполин поднял белесые веки и раздвинул губы, отчего ужас обуял меня:

- Я никого не гоню, лишь направляю тех, кого призывают…

- Кто призывает? – голос Найтена был глух и безжизнен.

- А это лучше спросить у разумных за Прядью, - исполин задрожал и вновь опустил веки.

- А кто вы такие? – Найтон не собирался так просто отпускать на тот свет кукловода, и тот вновь задрожал веками и раздвинул безгубый рот, обнажая мелкие зубы:

- Проводники. Мы просто Проводники. Не больше, ни меньше.

- И сколько таких Проводников ещё?

- Пока только мы, но скоро нас станет больше.

- Почему? – Рекс выпытывал дотошно.

- Потому что нас зовут… - исполин на глазах вдруг скукожился, высох весь и стал похожим на мумию. Рекс сплюнул и отпустил голову монстра.

- И что это значит? – мрачно спросил Торвус.

- То, что кто-то из королевства призывает тварей из Пряди, - сплюнул Баблер и проговорил: - Надо бы уходить, вождь. Не ровен час, придут на шумок ещё какие уроды.

Рекс осмотрел поле битвы и кивнул головой. Чучело подошёл ко мне и положил ставшую уже обычной голову мне на плечо. Выскользнул из мрака и стеклянный волк, весь в крови, но явно довольный. Я потрепал Глупыша по загривку и ответил Хому:

- Сильно сомневаюсь, что твари жаждут встретиться с тобой, Баблер. Они же не гетеры из Южных королевств.

Баблер вместо ответа расхохотался невесело, но вместо него ответил Рекс:

- Уходить надо, да. Мы сделали своё дело, и на какое-то время королевства в безопасности. А мы же поищем в них того, кто так жаждет призвать Прядь к себе…

Уже когда мы все оказались в сёдлах, Рекс осмотрел нас и произнёс негромко:

- Запомните, любое действие врага невозможно без внутренних предателей. Пока не победим внутри королевств, не победим и Прядь!

К рассвету мы добрались до форпоста, и там нас встречали приграничники во главе с капитаном Ламом. Офицер выглядел потрясённым и даже восхищённым:

- Не знаю, что вы там делали, господа, но ночью на нас никто не напал!

- И не нападёт в ближайшее время, - Рекс спрыгнул с буйвола: - Мы просим позволения пройти через форпост в королевства. А также я прошу считать моих людей закончившими контракт на королевской службе. Они мне нужны в другом месте…

Капитан задумался на мгновение и произнёс решительно:

- После таких потерь никто не заметит, на четырёх бойцов меньше или больше, господин Рекс. И если вы уверены, что твари больше не нападут…

- Уверен, - кивнул Найтен.

Альбусурб встретил нас закрытыми воротами, ощетинившимися стражниками и готовящимися к выходу королевскими полками. На пятерых всадников внимание обратили издалека, и нас встретил конный войсковой разъезд лиги за три от городских стен. Молодой офицер срывающимся от волнения голосом потребовал:

- Представьтесь, господа! Кто вы и откуда?

Мы молчали, а говорил сюзерен:

- Я Найтен Рекс, а это мои… люди. Ино Пинатум, Торвус Хом, Баблер Линг и Лет Алис.

- Что вы делали у Пряди? Вы искатели?

Рекс задумчиво оглядел нас и ответил:

- Можно сказать, что искатели. А что делали? – Найтон огладил бородку: - Помогали защищать форпост Квинк. Там остались уцелевшие после атаки тварей приграничники.

- Форпост уцелел? – воскликнул юноша, покраснел мучительно и спросил: - А капитан Лам? Он жив?

- Кордис Лам жив и здоров, - решил вступить я в диалог, заметив явное фамильное сходство юноши с капитаном, - Он вам родственник?

- Мой брат, господин… Пинатум, если правильно запомнил?

Я кивнул, а офицер проговорил, явно волнуясь:

- Господа, спасибо за хорошие вести, но я прошу вас проехать со мной к командующему королевской армией. Он ждёт любых вестей с границы, а вы могли бы всё рассказать!

Мы переглянулись, и Баблер усмехнулся. Всё рассказывать мы не будем даже командующему. Да и королю, если на то пошло. Не всегда знания – благо. Не всегда знания – на пользу. Мы сами сделаем работу, чтобы под ногами не путались спецслужбы, влиятельные дома и прочее, чем сейчас так обросли людские, эльфийские и гномьи королевства. Но вслух никто из нас этого не сказал. А Рекс даже довольно любезно поговорил с графом Беррером – командующим королевских войск. И довольно ловко изобразил недалёкого искателя, волею судеб оказавшегося у форпоста в момент нападения. Мы же просто помалкивали и отдыхали, так как с момента битвы у Пряди даже ни разу ещё не остановились. А когда нас, наконец, отпустили, завалились в ближайшую гостиницу и проспали там целые сутки.

…А утром мы потеряли Баблера. Он вышел с утра к колодцу, и тяжёлый арбалетный болт пробил ему грудь. А потом несколько незнакомцев просто искромсали его тело. Я проснулся от рёва Чучела на конюшне, вскочил и выглянул в окно, увидев уже окончание расправы. Даже не задумываясь, я выбил раму и кинулся к колодцу, вылетев со второго этажа в туче стеклянных сколков. Наверное, весь изрезанный, в нательном белье, я выглядел довольно комично, но напавшим на Баблера это так не показалось. Потому как на меня напали не со спины, как на него. И я не был безоружен, как Баблер. В руке у меня был меч, а в сердце – жажда мести. Я убивал уродов безо всякого сожаления, перерубая вначале руки, ноги, желая, чтобы они мучились. Их была целая дюжина профессиональных бойцов. Матёрых, умелых убийц. Но против меня это была всего лишь дюжина недоумков. И я хотел, чтобы Торвус, Рекс и Лет не успели к колодцу раньше, чем я поквитаюсь со всеми. Пожалуй, если я и мог кого назвать другом, так это Баблера, несмотря на его несносный характер. И за его убийство я хотел отомстить лично. Всем, кроме главаря. Его я вырубил рукояткой меча в самом начале схватки, и он лежал без сознания рядом с изрубленным телом Баблера, пока я убивал остальных. Он обязательно расскажет, кто их нанял, и так у нас появится ниточка к мрази, призывающей тварей Пряди. Потому как никто другой заказывать убийство Хома не стал бы.

Я успел вовремя. И когда Рекс выскочил из гостиницы, все одиннадцать убийц моего друга лежали изрубленными, истекающими кровью огрызками. Найтен не сказал ничего, лишь взял за ногу бесчувственного главаря и потащил в конюшню…

Глава 12. Не всё так просто

Торвус вытирал испачканные руки кровью и тихо бубнил Рексу, глядя чуть в сторону:

- Сир, ошибки быть не может, Баблера заказал купчишка местный, за то, что тот с его женой…

Лет неверяще смотрел на Хома, а я переспросил:

- За шашни с женой? Ты серьёзно?

- Слишком обидчивый купец оказался, - пожал плечами Хом, - Они вначале жену его убили. Убивали медленно. Рассказать как?

- Не надо, - я погладил стеклянного волка, который был со мной в своём призрачном состоянии, чтобы не слишком пугать впечатлительных горожан Альбусурба, - Где купец этот живёт?

Рекс посмотрел на меня и произнёс через секунду:

- Ино, останешься здесь и закончишь дела с купцом. А потом отвези вещи Баблера… сам знаешь куда.

- Хорошо, сир, - я благодарно склонил голову. Рекс всё понял и дал мне возможность завершить месть. А потом выполнить просьбу Линга.

Найтен огладил бородку и заговорил размеренно:

- А мы поедем в Палис. Давно я не был в столице этого королевства. Там нас и найдёшь. Спросишь, - Рекс защёлкал пальцами и повернулся к Лету: - Кто я в Пульшере? Всё так же, без изменений? А я то там лет двадцать не был.

- Вы всё так же герцог Инконспис, сир, - тут же ответил Алис.

- Вот! Найдёшь особняк герцога Инконсписа, ты знаешь, где он находится – в столице бываешь почаще меня. Даже если нас не будет, то я оставлю тебе указание, где нас искать. Либо свяжусь «Зовом».

- Слушаюсь, сир, - я вновь склонил голову, а Рекс махнул рукой и приказал Лету и Торвусу:

- Собираемся! Выезжаем через десять минут! – повернулся ко мне и проговорил: - С местной властью проблем точно не будет? Двенадцать убитых…

- Не будет, сир, - покачал я головой, - Вся гостиница подтвердит, что я сражался за друга.

Я оказался прав. Местный офицер дежурно задал мне несколько вопросов, а потом отпустил, причём, как мне показалось – с большим облегчением. Впрочем, тут я его понимал – общаться с разумным, убившим за пару минут двенадцать отъявленных головорезов, привычных к оружию, сам бы побоялся. А уж задерживать его с двумя стражниками – тем более. Но офицер до встречи со мной опросил свидетелей, потому просто закрепил сказанное на бумаге и проговорил дежурно:

- Власти Альбусурба претензий к вам не имеют, так как вы были в своём праве, господин Пинатум.

Помялся чуть и проговорил виновато:

- Но генерал-губернатор просил узнать, сколько вы здесь намерены ещё пробыть? Во избежание, так сказать…

- Уеду завтра утром, - буркнул я. И демонстративно уставился в стену. Офицер помялся и поспешно вышел из комнаты, а потом и из гостиницы. Я задумчиво смотрел какое-то время, как местные работники грузят тела изрубленных мной головорезов на огромную арбу, а потом пошёл спать. Ночь у меня будет бурной, надо отдохнуть…

Почему-то ночью все запахи ощущаются гораздо острее. Особенно поздней весной, когда вовсю цветут деревья, кустарники и прочая растительная дребедень. Сейчас было время сирени, этот сладковатый запах я не забуду никогда. Для кого-то сирень символизирует любовь

и романтику, а я именно в окружении этого запаха, совсем ещё мальчишкой, убил своего первого врага. Убил случайно, от страха, и долго потом смотрел на окровавленный клинок в своей руке…

Дом купца располагался совсем недалеко от меловой горы, на которой находился детинец, значит, местный нувориш был человеком не только богатым, но и влиятельным. Видимо, потому и решил, что ему всё можно. В том числе за любовь расплатиться смертью. Вряд ли он любил свою жену, иначе не дал бы приказа расправиться с ней. Он просто был в ярости, что его, такого всесильного, посмели обмануть. Знавал я таких упырей, упивающихся властью и влиянием. Считающих, что им всё можно. Сегодня его постигнет разочарование, а я постараюсь, чтобы на тот свет он уходил максимально долго и мучительно. И чтобы каждое мгновение жалел о своём решении. Глупыш ткнулся в мою ногу мокрым носом, я присел на корточки и тихо прошептал:

- Сейчас я прошу тебя пойти со мной, и сделать так, чтобы две собаки купца не успели даже тявкнуть! Сделаешь это? С остальными я разберусь сам.

Стеклянный волк махнул своим хвостом и подпрыгнул, показывая, что готов. Я кивнул ему и быстро перемахнул через стену, отпер калитку и впустил его. Глупыш повёл носом и быстро рванул влево, туда, где у купца сидели на привязи две огромные овчарки. Уже через несколько секунд я услышал слабый хрип и понял, что дело сделано. Быстро прошёл к усадьбе и скользнул внутрь. В холле спали двое охранников, и я, чтобы не шуметь, просто сломал им шеи. Я не рыцарь и никогда им не был, потому убивать во сне не чураюсь. С помощью магии я просканировал помещение и понял, что больше живых, кроме купца, в доме нет. Спокойно поднялся на второй этаж, зашёл к нему в спальню и осмотрел того, кто заказал смерть Баблера.

Купец был безобразен – жирный, с несколькими подбородками и огромными складками по всему телу. Понятно, почему жена его увлеклась Баблером. Непонятно только, почему Баблер увлёкся ею. Хотя, это теперь вовсе не важно. Я подошёл к кровати, посмотрел пару секунд в одутловатой лицо нувориша, в его открытый, храпящий рот, и от души врезал по этой морде. Раз. Второй. Третий. Проснувшийся от ударов купец пытался спрятаться за кроватью, но лишь упал с неё на пол и скулил, пока я коваными носками сапог ломал ему рёбра. Не сильно, так, чтобы не проткнули они лёгкие, и эта мразь не умерла раньше времени. Потом я наступил ему на левую руку и крутанул каблуком, ломая пальцы. Купец заверещал, но тихо, потому как перед этим я засунул ему в рот кляп, вбив его кулаком. Когда я сломал пальцы на его второй руке, нувориш потерял сознание. Я дождался, когда он придёт в себя, а потом достал кляп из его пасти кляп и заговорил:

- Кто надоумил тебя убить моего друга Баблера?

Купец, скуля, задыхаясь, запищал еле тихо:

- Это ошибка! Наговор! Я не знаю, никакого Баблера! Если вы грабители, просто скажите, что вам надо, я отдам.

Я пожал плечами, отрезал купцу указательный палец и произнёс, прижигая рану:

- Я буду отрезать часть тебя каждый раз, когда ты солжёшь.

- Серус! – заплакал купец, - Этьен Серус из столицы! Он был у меня по торговым делам, я пожаловался, что Нани изменяет с каким-то вонючим оборванцем. Он и посоветовал наказать их, чтобы не терять лицо в гильдии. Чтобы не смеялись надо мной другие!

Я посмотрел на лицо купца, сломанное уже сразу в нескольких местах, и подумал отстранённо, что лицо он точно потерял. Не в переносном смысле, а в прямом. И продолжил допрос:

- Почему так много людей? Почему изрубили его?

- Этьен сказал, что это стародавний обычай – изрубать в куски жену и полюбовника! И, мол, сразу поймут, что нельзя мне дорогу переходить!

Я задумчиво смотрел на купца, а одна мысль не давала мне покоя. Слишком уж совпало желание местного нувориша поквитаться с неверной женой и её полюбовником с появлением

этого самого Серуса, который вспомнил несуществующий обычай. Именно несуществующий, потому как я знал все обычаи этого королевства, да и многих других.

- Как давно ты знаешь этого Серуса? И где он сейчас?

- Давно в столице! Он подсказал людей из местной ночной гильдии, проинструктировал их, как надо убить жену и полюбовника, а после уехал. А они остались дожидаться.

Дело становилось всё интереснее, и я понял, что Торвус в этот раз ошибся. Да, поводом послужила измена. Да, купца подтолкнули к убийству. Но за убийством стоял явно не обиженный себялюбец, а некто гораздо более хитрый и мерзкий. И этого некто звали Этьеном Серусом, купцом из Палиса – столицы Пульшера. Я явственно ощущал, что на верном пути. А это означало не только то, что кто-то вызывает тварей Пряди, но он ещё знает и про нас. Либо, вызывающий тварей – это один, а тот, кто знает про нас – совсем другой. И тогда вопрос – зачем этому другому наша смерть? Много было таких в прошлом. Наверное, будут и в будущем. И у каждого были свои причины. Мысли роились в голове, а я смотрел на скулящего купца и думал, как сообщить эти вести Рексу. Догнать их, может, и получится, но тогда я сильно отклонюсь от пути, а нагоню уже почти у столицы. Ехать, куда указал сюзерен, не предупредив его о том, что кому-то, возможно, известно кто мы такие – тоже неправильно. Отправлять письмо – и это не вариант. Если его перехватят – могут появиться проблемы. И тут я услышал тихий шорох у двери. Повернулся и увидел стеклянного волка с окровавленной мордой. Тот спокойно вошёл, плюхнулся у входа, уложив свою морду на передние лапы. И я поманил Глупыша к себе. И заговорил тихо:

- Нагонишь Рекса. Помнишь его?

Я погладил стеклянного волка и проговорил:

- Я одену на тебя ошейник, но только не обижайся на меня за это, хорошо? Это очень нужно! На ошейнике ты понесёшь письмо!

Глупыш молча смотрел на меня и моргал своими чёрными, с золотистыми искорками, глазами.

- Ты подойдёшь к Рексу, пусть он увидит письмо! И он снимет с тебя ошейник!

Глупыш печально посмотрел на меня, тяжело вздохнул и отвернулся.

- Это очень нужно сделать! Этим ты, возможно, спасёшь всех нас! Ты сделаешь?

Я не обманывал Найтена, когда говорил, что между мной и Чучелом нет связи хозяина и слуги. Как не было такой связи и с Глупышом. Мы равны. Я и они. Я могу попросить, но я не могу приказать. Вернее, мог бы, но не буду. Создатель наделил нас свободой воли, и я не буду лишать этой воли тех, кто предан мне. Они могут отказаться, и я пойму и приму отказ. Но, к счастью, Глупыш согласился, и я, быстро сделав ошейник из пояса купчишки, написал письмо:

«Рекс, они знают, кто мы. Убийство заказал купец Этьен Серус из Палиса. Снимите ошейник с Глупыша и отправьте обратно! Ино Пинатум.»

Я прикрепил письмо к ошейнику и проговорил:

- Я знаю, насколько быстро ты можешь быть. Рекс отправился в столицу. Это туда! – я показал рукой направление, - Беги по дороге, и как почуешь его – сразу подходи. Беги в призрачном состоянии, чтобы тебя не видели. Рексу покажись. И сразу назад. Я пойду в том направлении!

Я снова ткнул рукой, и стеклянный волк внимательно посмотрел, запоминая его. А потом выскользнул из двери, и я услышал удаляющийся стук когтей по деревянному полу. Когда я повернулся к купцу, он уже даже не стонал – просто с ужасом смотрел на меня и тихонько поскуливал. А я достал нож и проговорил:

- А теперь ты будешь умирать. Долго и болезненно. Чтобы познать ту горечь и ту боль, которую познали убитые тобой жена и Баблер.

- Но я не убивал их, - простонал нувориш.

- Ты убил их, пусть и чужими руками, - я равнодушно подошёл к купцу вплотную: - А потому умей отвечать за свои поступки…

Вышел я из дома купца не скоро, сел на Чучело и помчал из города. Над Альбусурбом занимался рассвет…

Глава 13. Сарисса

Я увидел её в Рубердонуме, куда заехал пополнить запасы и узнать последние новости. Целую неделю я объезжал населённые пункты по дуге, стараясь лишний раз не попадаться на глаза страже и военным. Кто знает, как там идёт расследование об убийстве купца. Но даже Торвус, не гений в логике, связал бы смерть Баблера, с последовавшей расправой над денежным мешком в центре Альбусурба. Хотя, на месте генерал-губернатора я бы обвинил во всём залётных грабителей, повесил бы парочку негодяев, да на этом успокоился. Но так как я не генерал-губернатор, а вовсе наоборот, то старался потише и понезаметнее уехать из приграничного региона. И только в южном Рубердонуме решил, наконец, показаться на люди. Почти семьсот миль разделяли теперь меня и Прядь. И самый южный город королевства Пульшер встретил меня запахом пряностей, гомоном южных народностей и разноголосьем базаров.

Эта девушка была необычной и сразу привлекла внимание. Не одеждой, нет. Одета она была, как любая дворянка этой эпохи. За исключением цвета. Вместо привычных зелёных и голубых она облачилась в красное, как кровь, платье. Губы – в цвет платья. И глаза… Боже, что это были за глаза – зелёные, а вокруг зрачков будто красное солнышко раскинулось. И разрез. Не восточный, не южный. Просто необычный. Один из торговцев, заметив, как я рассматриваю её, проговорил почтительно:

- Это баронесса Сарисса Хастифер, господин!

Я повернулся к нему и чуть склонил голову:

- Я запомню, спасибо!

Сарисса прошла мимо меня, и на меня пахнуло странным запахом духов – что-то южное, дикое и необузданное. А сама девушка скользнула по мне безразличным взглядом и прошла дальше. Впрочем, я сейчас точно не мог привлечь её внимания – уставший, измочаленный сотнями лиг пути, в серых от пыли сапогах, истерзанном дорогой плаще и затасканном нестиранном камзоле. Потому из банка я сразу отправился в гостиницу, где принял ванну, а потом с удовольствием поел в обеденном зале при гостинице. Прислуживал мне лично хозяин гостиницы, юркий и худощавый проныра, который не знал меня, но то ли что-то чувствовал, то ли предполагал. Вряд ли его привлёк мой баронский перстень, который я напялил на палец перед въездом в город. Баронов тут – пруд пруди, хотя мало кто помнит, что произошёл этот титул от слова «баро», означающем на старинном языке «воин». Обмельчала знать в королевстве. И многие бароны, чьи прадеды получили гордое звание воина, уже и на коня без помощи не взберутся, не говоря уже о многочасовом бое или о том, чтобы повести свою баронскую дружину в бой, находясь на острие атаки.

Когда хозяин принёс десерт, я спросил его про девушку с солнцем вокруг зрачков, и удивился, что он её знает.

- Госпожа Хастифер – наследница известного у нас рода, господин барон. Невеста знатная, но всё ещё ходит в девах.

- А что так? – спросил я, пробуя пирожное и одобрительно кивая. Здесь, в южном городе, знали толк в сладостях.

- Да кто о чём говорит, - замялся держатель гостиницы.

- Говори, как есть, - лениво ответил я ему, взмахнув вяло вилкой.

- Некоторые говорят, что переборчивая очень и надменная, - понизил до шёпота голос мужик, - А некоторые и вовсе поговаривают, что она ведьма.

- Все красивые женщины – ведьмы, - пожал я плечами, отпил кофе и проговорил задумчиво, - В той или иной степени.

- Совершенно верно, господин барон, - хихикнул хозяин гостиницы. И даже осмотрелся, будто предлагал оценить мою шутку окружающим.

Впрочем, окружающих в этот час в обеденном зале почти не было. Двое гномов в одежде торговцев за одним столиком. Пожилой дворянин с юной леди за вторым. Да трое молодых повес, уже изрядно напившихся – за третьим. Повесы эти, кстати, говорили всё громче, и всё чаще отпускали шутки в сторону молодой леди и пожилого дворянина. Тот не выдержал в итоге, встал и отправился к ним. Дворянин был бледен и очень решителен. Хотя, явно заметно, что из возраста бойца он давно вышел. Я не слышал, что он сказал подвыпившей компании, зато ответ молодого хама прозвучал на весь зал:

- Папашка, иди и сядь на место, пока я не проткнул тебя своим мечом, как вертелом! Уж лучше я проткну твою спутницу! – и захохотал оглушительно своей шутке.

Я не люблю вмешиваться в чужие истории, но хамство запредельное люблю ещё меньше. Потому встал и направился к троице. Пожилой дворянин, всё такой же бледный от страха и решимости, требовал извинений, а молодчики громко хохотали. Пока я не схватил шутника и не влепил ему громкую пощёчину:

- Посмеешь и мне сказать то же самое, щенок? – проговорил я в лицо быстро трезвеющему хаму, судорожно ищущему эфес своего клинка.

Двое остальных вскочили из-за стола, положили руки на рукояти своего оружия, но вмешиваться в конфликт пока не решались. Зато хам оказался не робкого десятка. И проверещал мне в лицо:

- Дуэль!

- Да пожалуйста, - пожал я плечами и направился к выходу из гостиницы, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, следует ли за мной молодой любитель выпивки.

Уже во дворе я увидел, что выскочил не только хам с друзьями, но и пожилой господин со своей спутницей. Он подошёл ко мне и проговорил, кусая губы:

- Я благодарен вам за вмешательство, господин барон, но позвольте мне сразиться. Я мало дорожу жизнью, а молодчик, которого вы вызвали – Пикта Галус – известный дуэлянт в городе. Племянник губернатора. Уже десяток дуэлей было, и всё с рук сходит.

Я посмотрел на пожилого дворянина и понял, что дух воинов ещё не покинул королевство. Улыбнулся коротко и ответил, чуть раздвинув губы:

- Вас как зовут?

- Сим Нобилис к вашим услугам, господин барон, - учтиво поклонился дворянин.

- Ино Пинатум – к вашим, - я вернул поклон и прищурился: - Не вставайте на пути воина, господин Нобилис. Я сделал шаг и теперь иду по выбранному МНОЮ пути.

Щёки дворянина чуть заалели, он кивнул вновь и отошёл в сторону. А Пикта, скинув камзол, уже обнажил скьявону – тонкий меч с защитой пальцев на рукояти – популярное здесь, на юге, оружие:

- Как зовут тебя, смертник? – искривил рот в попытке улыбнуться мерзавец, - Я тебе твоё имя на трупе вырежу, чтобы знали, что написать на надгробии.

Я достал меч, крутанул его, ощущая пальцами чешую рукояти, и ответил, холодно улыбнувшись:

- Баро Ино Пинатум.

Молодой глупец кинулся на меня, пытаясь пронзить выпадом, довольно быстрым, надо признать. Любитель выпить оказался стремительным и смертоносным. Но, не для меня. Я просто отшагнул в сторону и резко ударил снизу вверх, обходя руку с скьявоной. Меч мой, восторженно разрезав воздух, перерубил шею хаму, отчего голова последнего, подскочив чуть вверх, упала и покатилась по двору. А тело, шагнув вперёд, рухнуло на землю и заскребло ногами. Я посмотрел на капельку крови, попавшую на только вычищенный сапог, вздохнул тяжело и наклонился, чтобы вытереть его. Но девушка, которая была с Симом Нобилисом, успела раньше. Подскочила ко мне, присела на корточки и беленьким платком вытерла мою обувь. Не только дух воинов, но и благородство женщин оставалось в королевстве Пульшер. И

за это, чёрт побери, стоило сражаться! Я приподнял в удивлении брови, но галантно поднял девушку за руку и поблагодарил. А потом посмотрел на друзей погибшего:

- У кого-то из вас будут претензии? Готов скрестить оружие с каждым…

Как я и думал, претензий у них не оказалось. Впрочем, у городской стражи этих претензий не оказалось тоже. Сим Нобилис и хозяин гостиницы, которого звали Арчи, подробно рассказали суть конфликта, и офицер, чем-то похожий на своего коллегу из Альбусурба, проговорил:

- У стражи Рубердонума нет претензий к вам, барон Пинатум! Вас вызвали, и вы защищались, - а потом понизил голос и прошептал: - Но я бы посоветовал вам уехать из города немедленно! Губернатора достал его племянник, но простить его смерть – потерять лицо. Поверьте, господин Пербус Галус сделает всё, чтобы вы не прожили достаточно долго…

- Думаете, он тоже вызовет меня на дуэль? - спросил я равнодушно.

- Н-нет, - проговорил лейтенант, - Но он будет в ярости, смею вас уверить!

- Это проблемы господина Галуса, не мои, - холодно ответил я молодому служаке. Покрутил баронский перстень на пальце и добавил: - Я вас не задерживаю, господин офицер.

А вечером я вновь увидел её. Я не стал ждать, подкинет ли судьба шанс вновь увидеть девушку с солнцем в глазах, потому, узнав адрес, явился к ней сам. Баронесса Сарисса Хастифер жила в небольшом, но уютном особняке на северной окраине города, и приняла меня там же, в небольшой уютной гостинице. Она с интересом рассматривала меня, а после спросила:

- У вас ко мне какое-то дело, барон?

- Совершенно верно, миледи, - я поклонился, не вставая с кресла, в которое меня усадили: - Вы мне понравились. И чтобы дать вам шанс для того, чтобы я вам тоже понравился, я пришёл к вам.

Сарисса посмотрела на меня удивлённо и расхохоталась:

- Барон. Клянусь, это самое необычное знакомство, которое у меня было. Вы невероятный хам, однако! Но это даже подкупает!

- Поверьте, хамство – не единственное моё достоинство, миледи, - я вновь поклонился, - И прошу называть меня по имени.

- Вы Ино Пинатум, барон? Так вы представились моему дворецкому.

- Совершенно верно, миледи, - и вновь я кивнул головой, решив, что от такого голова моя точно не отвалится.

Сарисса внимательно посмотрела на меня и заявила весело и решительно:

- А почему бы и нет, Ино? Раз уж вы даёте мне шанс, воспользуюсь им! Я собираюсь на бал к одной леди. А у меня нет спутника. Кузен приболел похмельем, и я не хочу мучать его многочасовой музыкой. Тем более, у графини такой оркестр, что он и здорового человека сведёт в могилу. Если вы не боитесь тамбуринов и лютней – поедемте со мной.

- С удовольствием, миледи, - я встал из кресла, - Если только вы не заставите меня танцевать. Боюсь оттоптать ваши ножки, так как в танцах я не силён.

- Барон, так вы неуклюжи? – усмехнулась Сарисса.

- Вы слышали поговорку про то, что мешает плохому танцору, миледи? – ответил я вопросом на вопрос.

Госпожа Хастифер задумалась на мгновение, поняла про какую поговорку я говорю, и вспыхнула. А я ответил ей не менее любезно:

- Так как с яйцами у меня всё нормально, то танцор из меня так себе.

И вновь Сарисса расхохоталась и произнесла сквозь смех:

- Клянусь, барон, я не буду заставлять вас танцевать. Я и сама не хотела бы хромать потом с оттоптанными ногами. Но тогда обещайте, что будете танцевать с теми, на кого я вам укажу. Есть парочка особ...

- Для вас я готов оттоптать все ноги в этом городе, миледи, - улыбнулся я…

Глава 14. О балах и не только

На балу, куда пригласили госпожу Хастифер, присутствовал губернатор Пербус Галус, дядя убитого мною сегодня хама. Тот самый, кем меня пугал офицер стражи славного города Рубердонума. И губернатор решил подойти ко мне. В это время с Сариссой мы выслушивали хозяйку бала – графиню Дэр, рассказывающую о каких-то дивных цветочках в её саду, привезённых то ли из-за моря, то ли из-за океана по её особому заказу. Тут сбоку и подошёл губернатор. Один. Видимо, чтобы не плодить слухи. Графиня, увидев еле заметный жест руководителя провинции, тут же извинилась и упорхнула куда-то в зал. А вот Сарисса осталась, упрямо уперев в Пербуса свой взгляд. И Галус сдался, раздвинул в улыбке губы и проговорил тихо:

- Мне сказали, что вы тот самый барон, который убил моего племянника?

- Баро Ино Пинатум к вашим услугам, господин Галус, - холодно кивнул я, вновь называя свой старый титул. В отличие от других, губернатор сразу уловил суть и нюансы произношения. Сузил глаза ещё больше, посмотрел внимательнее и проговорил:

- А пристало ли воину убивать детей? Ведь племянник мой был совсем ещё ребёнком и только-только отпраздновал девятнадцатую весну.

- Он перестал им быть после первого убитого им человека, - усмехнулся я, - И то, что убивал он не на поле боя, а в кабаках, многое говорит о его воспитании, господин Галус.

Губернатор дёрнул щекой и произнёс:

- Не вам судить о воспитании, господин, как вас там? Пикта рано потерял отца, а я брата. Мать не всегда справлялась, но он был хорошим мальчиком. И я, глядя сегодня на его тело… - голос Пербуса дрогнул, он собрался продолжить, но у меня не было никакого желания выслушивать родственные воспоминания. Потому я поднял указательный палец и проговорил холодно и с усмешкой:

- Скорбеть тоже надо было после первого убитого им человека, губернатор, как вас там. И слёзы лить нужно было тогда же. Ваше семейство воспитало упыря, а мой долг, как титулованного дворянина и слуги королевства – искоренять нечисть. Раньше, если вы уже подзабыли, здесь, на юге, в королевстве за бесчестие одного подонка отвечало всё семейство. Либо они сами решали вопрос. Вы, губернатор, как вас там, решить этот вопрос не смогли, и я сделал это за вас. Если вы подошли, чтобы принести мне благодарность, то я в ней не нуждаюсь. И слушать о его воспитании тоже не намерен. Быть может, твари Пряди тоже рано потеряли отца, но это не мешает их убивать всем разумным, чтобы защитить свой мир. У вас есть ещё вопросы?

Губернатор лицом побелел. Лишь губы ярко выделялись на бледной физиономии. Он хватал ртом воздух, а я повернулся к Сариссе и проговорил любезно:

- Госпожа Хастифер, не будете ли вы столь любезны, чтобы подарить мне танец?

- С превеликим удовольствием, господин Пинатум, - девушка с солнцами вокруг зрачков присела в книксене, и мы двинулись в круг танцующих. Я много лет не танцевал, и танцы, конечно, сильно изменились. Но я надеялся, что подстроюсь. И у меня получилось. Настолько, что я во время танца всего дважды наступил на ноги окружающим и один раз Сариссе. Её моя неловкость не смутила нисколько, хотя девушка была тоже бледна и даже решительна. Наконец, на втором круге она заговорила:

- Барон, я не знаю кто вы, но вы совершили поступок! Племянник губернатора действительно был мерзким негодяем, которого покрывал его же дядюшка. Но над вами сейчас сгустились тучи, и я очень прошу вас уехать. Я сейчас поговорю с моим дворецким, он поможет вас незаметно вывести из зала и из города. Я уже всё продумала. Поедете в моей карете, так вас никто не заметит.

Девушка продолжала бы излагать дальше, я видел, что у неё уже действительно созрел план, но я улыбнулся и покачал головой:

- Миледи, я останусь здесь, потому что знаю, что произойдёт, если останусь. И особенно хорошо понимаю, что будет, если уеду.

- И что же? - удивлённо посмотрела на меня Сарисса.

- Если мне удастся скрыться, на меня будет объявлена охота. А вы попадёте в немилость губернатора и его клики, которые сделают всё возможное, чтобы вам отомстить. Если останусь, то различные придурки из свиты губернатора начнут вызывать меня на дуэль… и умирать. Второй вариант мне нравится больше, уж простите.

Хастифер посмотрела на меня своими чудными глазами с невероятным разрезом, и её солнца вокруг зрачков будто запульсировали:

- Вы сумасшедший, Ино Пинатум! – с чувством произнесла она, а я ещё шире улыбнулся в ответ:

- Спасибо, миледи, мне об этом говорили. Но из ваших уст это звучит вдвойне приятнее!

Сарисса нахмурилась и засмеялась вдруг тихо:

- Не могу на вас злиться. Что же, делайте, что считаете нужным. А я посмотрю. Мне никогда ещё не встречались мужчины, настолько сумасшедшие, хамоватые и самоуверенные. Если вас убьют, надеюсь, вы попадёте в рай.

- К сожалению, нет, - я закаменел лицом и попытался максимально расслабить мышцы, чтобы девушка не увидела моей реакции.

Мои прогнозы сбылись очень быстро. В течение получаса я получил сразу четыре вызова на дуэль. Я уже свистнул Чучелу, и с улыбкой принимал вызовы, требуя немедленной сатисфакции, выводил смертников за особняк графини Дэр и в свете фонарей быстро убивал. Когда я вернулся в бальный зал после четвёртой дуэли – губернатора на балу уже не было, а вокруг нас с Сариссой образовалось пустое пространство, и даже хозяйка бала боялась подходить к нам. Я мило улыбнулся девушке и произнёс:

- Миледи, теперь я предлагаю вам покинуть бал, ибо и вы можете попасть под удар. А я спокойно пойду в гостиницу.

- Вы поедете ко мне, и клянусь вам, никто не посмеет напасть ни на мою карету, ни, тем более, на особняк!

- Миледи, я понимаю, что произвожу неизгладимое впечатление, но в первый же день знакомства зазывать мужчину к себе…

Хастифер нахмурилась было и вдруг вновь рассмеялась, и проговорила сквозь смех:

- Ино, я не знаю, как тебе это удаётся, но даже в столь мрачной обстановке ты умудряешься оставаться невероятным хамом!

- Сарисса, если ты ещё раз назовёшь меня хамом, то мне придётся идти в храм, - ответил я, внимательно оглядывая зал.

- Почему? - распахнула глаза девушка.

- Придётся менять имя. Хотя, признаюсь, Хам Пинатум не так звучно произносится, как привычное мне Ино Пинатум.

Девушка вновь смеялась, а я любовался ею. А после добавил решительно:

- Вот что, давайте-ка я уйду первым.

Впрочем, уйти я не успел. Ко мне подошёл вдруг один из эльфов, которые тоже присутствовали на балу, учтиво поклонился и произнёс:

- Дозволите ли выразить своё почтение, разумный Ино Пинатум? – проговорил он, и я вновь отметил, что и этот эльф не называет меня человеком.

- Дозволяю, - кивнул я, увидев, как расширились от удивления глаза Сариссы. Ещё бы – эльфы – союзники человека, оставались расой независимой и могучей. И к их мнению прислушивались во всех королевствах. При этом эльфы никогда старались не вмешиваться в дрязги людей. И особенно считали ниже своего достоинства разговаривать с кем бы то ни было без

специальных церемоний и прочей лабуды. Эти разумные, в отличие от людей, не меняли своих традиций веками и даже тысячелетиями.

- Я Оэлин из Дома Лиловой кувшинки рад приветствовать Иного, и спрашиваю от имени Дома – нужно ли вам какое-либо содействие от нас?

Сарисса удивлялась всё сильнее, а я спросил заинтересованно:

- А почему не сразу подошли?

- Нам нужно было убедиться, что это вы, сэр Пинатум. Назваться чужим именем могут многие разумные, но являться носителем этого имени может не каждый.

Я усмехнулся, отметив дипломатичность эльфа, и кивнул, принимая ответ:

- Я благодарен Дому Лиловой кувшинки за предложение, но пока мне не нужно содействие.

Эльф помялся немного и проговорил:

- Мы чувствуем сильные возмущения Пряди, и мы готовы, Ино Пинатум. Мы помним наши клятвы, и просим передать Рексу, что если от нас что-то нужно…

- Я передам, Оэлин из Дома Лиловой кувшинки, - кивнул я, не желая продолжать этот разговор при Сариссе. Но эльф оказался немного туповатым, потому как воскликнул:

- Значит, Рекс явился! – эльф глубоко поклонился, отчего по всему бальному залу прошёл изумлённый шёпот, и проговорил: - Спасибо за чудесную новость, Иной!

Я понимал изумление собравшихся дворян. Эльфы даже королям поклоны не били. Вернее – нынешним королям, которые, как по мне, тоже немного выродились и обмельчали. Хотя основатели их родов были настоящими исполинами. Я поклонился в ответ эльфу, давая понять, что разговор закончен, и повернулся к Сариссе. Та кусала губки, желая спросить что-то, но молчала. Я опередил её, мягко проговорив:

- Миледи, я надеюсь, что наш разговор с Оэлином останется в тайне…

- Если вы расскажете мне всё, господин Пинатум! И теперь вы точно поедете со мной! И никак не отвертитесь!

Я внимательно посмотрел на девушку и решился, уж очень нравились мне солнца в её глазах:

- Я приду к вам, миледи, заполночь. Обещаю. Но сейчас я вынужден буду вас оставить, чтобы не подвергать опасности. Поверьте, я сумею защитить себя, но если вы будете рядом, не смогу защитить нас обоих…

- Я предупрежу дворецкого, и он вас будет ждать! – кивнула Сарисса, - Чтобы проводить ко мне. И чтобы не мешать вам больше, пока откланяюсь! До скорой встречи. Я очень надеюсь, что она состоится.

- До скорой встречи, миледи, - поклонился я и поцеловал руку девушки. А потом, дождавшись, когда Сарисса уедет, через несколько минут в полном одиночестве покинул особняк графини.

Чучело уже ждал меня возле ограды, а рядом с ним, ожидаемо, стоял стеклянный волк в призрачном обличии. Я потрепал Глупыша по загривку и сказал:

- Иди впереди нас! Любые разумные с оружием – враги! Я был бы признателен, если бы ты предупреждал о них.

Стеклянный волк посмотрел мне в глаза, передавая мысль, и я согласно кивнул:

- Я буду не против, если ты их будешь убивать.

Глупыш радостно взвизгнул и кинулся в темноту улицы, а я сел на Чучело и поехал следом. Тьма опустилась на Рубердонум…

Глава 15. Тьма опустилась на Рубердонум

Первая засада меня ждала уже через один квартал. Восемь мужчин, двое из которых с арбалетами. Глупыш кинулся именно на арбалетчиков, а я, спрыгнув на ходу с Чучела, выхватил в полёте свой меч, ощутив шершавую рукоятку, и двумя сильными ударами рассёк того, кто показался наиболее опасным. Чучело, преобразившийся, яростный, втоптал ещё двоих в землю, а трое оставшихся, вопя от ужаса, пытались убежать. Я прыжком догнал одного, всадив меч ему в спину, услышал, как хрустнул позвоночник убийцы, а стеклянный волк уже грыз горло второму. Третий перескочил через забор и, вопя, побежал стучать в двери небольшого особняка. Я пожал плечами, вытер меч и вновь оседлал Чучело.

О второй засаде Глупыш предупредил злобным рыком, и я, просканировав пространство, увидел сразу четырёх стрелков на крышах двухэтажных домов слева и справа от улицы. Губернатор оказался человеком предприимчивым, да ещё и сумел в короткие сроки правильно организовать всё, либо имел человека, умеющего это делать. Я оценил управленческие таланты Пербуса Галуса, встав на Чучело ногами и, подпрыгнув с него вверх, уцепился за скат крыши. Быстро выскочил наверх и кинулся на стрелков. Они растерялись настолько, что даже не успели натянуть арбалеты. Зато я, входя в режим ускорения, четырьмя ударами зарубил всех, пока Глупыш и Чучело внизу расправлялись с их подельниками. Когда я спустился вниз – всё уже было кончено, и я вновь вытер аккуратно меч, а после, подумав, нацепил на руки наручи. Губернатор встал на тропу войны, и в его распоряжении целый город. Это он думает, что целый, а для меня – всего один город. Не самый большой в этом королевстве.

Стеклянный волк, подняв на меня окровавленную морду, светился счастьем. Такие как он – созданы для убийства. Уж не знаю кем – безумными ли магами, порождениями хаоса или демонами, но они явно получали удовольствие от создания столь смертоносных животных. Я осторожно потрогал голову волка и проговорил:

- Я рад, что тебе нравится. И думаю, что это только начало.

Глупыш взвизгнул и потрусил по улице вперёд, вновь став почти прозрачным. А я, как часто это бывает, оказался прав. За квартал до моей гостиницы меня ждала засада посерьёзнее – сразу два десятка опытных бойцов, вооружённых палашами и алебардами. Явно бывшие военные, ставшие наёмниками. И я вновь восхитился управленческим талантом Галуса – посреди ночи найти и отправить целый отряд – многого стоило. Могло, конечно, оказаться, что отряд он готовил для чего-то ещё, но тут попался я. Но и в этом случае перенаправить ресурсы у него получилось невероятно быстро.

Я спрыгнул с Чучела, вытащил меч и пошёл к отряду, опустив Каладболг вниз и его остриём царапая брусчатку:

- Господа, я буду рад отправить вас в ад.

- Да ты сам не оттуда ли? – хрипло спросил меня предводитель отряда, давая приказ своим людям рассредоточиться. Десятеро остались посреди улицы, ещё две пятёрки зашли слева и справа.

- Совсем скоро ты сможешь спросить об этом лично, - усмехнулся я и кинулся вначале на левую пятёрку. Я окружил себя силовым коконом, потому ударов убийц мог не бояться какое-то время. Но всё равно блокировал и уворачивался на инстинктах. Вначале от двух выпадов, уходя влево и отрубая одному из убийц кисть, а второму проламывая кастетом, надетым на левую руку, голову. Затем ушёл от рубящего удара сверху, одновременно вспарывая живот слишком резвому вояке. А потом парировал удар четвёртого, перекрутил свой клинок и вонзил его в горло убийце. Пятый ударил копьём, но я отвёл древко чуть в сторону, крутанулся, сближаясь с копейщиком, и резко ударил мечом, перерубая шею. Остановился, стряхнул с меча кровь и вновь провёл кончиком по брусчатке, глядя на их предводителя. Тот явно остался впе-

чатлён, увидев, как меньше чем за минуту отряд его уменьшился на четверть. И поднял руку, останавливая своих бойцов:

- Чёрт меня подери, если ты не сам демон! – прохрипел он, - Но мы тебя убьём!

Семеро наклонили вперёд алебарды, чтобы использовать их как копья, и двинулись на меня. Остальные шли с мечами следом. Я побежал им навстречу и прыгнул в нескольких шагах от них, наблюдая на лицах убийц изумление. Стандартный ход для того, чтобы превратить преимущество противника в его недостаток. Копейщики за спинами мечников ничего сделать не смогут, им будут мешать свои же. А я окажусь на максимально удобной дистанции для своего удара. Потому, прыгнул я высоко, перепрыгнув весь отряд и оказавшись за их спинами. Пока убийцы развернулись, я успел зарубить двоих, а после началась рубка с остальными. Я уворачивался, принимал удары вражеских клинков на наручи и бил, бил, бил. Остановился, когда в живых осталось всего двое, в том числе командир этого отряда. Я стряхнул резким взмахом кровь с клинка и заговорил буднично:

- Вы могли убить меня неожиданно, как Баблера. Но не лицом к лицу.

Наёмник сплюнул на залитую кровью улицу и согласился:

- Это была наша ошибка, мистер. А за ошибки приходится платить! – и кинулся на меня, сделав выпад. Я уважаю смелость, потому убил его одним ударом точно в сердце. А выскочивший из подворотни стеклянный волк одним мощным движением челюстей сломал шею последнему из отряда. И вновь я вытер меч и подозвал Чучело. Погладил его по холке и спросил:

- Как думаешь, в гостинице меня уже ждут?

Чучело всхрапнул, и мне показалось, что он сказал:

- Даже если ждут – мы всех их убьём!

Я кивнул согласно, запрыгнул в седло и поехал вперёд, оставляя за спиной гору трупов. Я видел, как на шум схватки прибежали двое стражников, но, увидев картину побоища, просто развернулись и убежали прочь. Я их понимал, но решил добавить веселья, потому послал стеклянного волка наперерез «храбрецам». Те, увидев перед собой оскаленное, окровавленное чудище Пряди, развернулись и вновь кинулись в нашу сторону. Я вновь спрыгнул с седла, поднял с земли два копья убитых, и когда стражники выскочили к месту боя, аккуратно пронзил обоих копьями. Повернулся к Чучелу и сказал:

- Надеюсь, ты оценишь мой ход.

Тот, кого считали конём, всхрапнул восторженно и мотнул гривой. А я вновь вспрыгнул в седло и поскакал к гостинице, представляя, что решат стражи, увидевшие убитых и своих коллег, пронзённых копьями наёмников из Ночной лиги.

Возле гостиницы я спешился и посмотрел на свои окна. В них мелькнула тень, и я довольно кивнул – губернатор не разочаровал меня. Я быстро зашёл в холл, увидел бледного, испуганного хозяина гостиницы, который хотел было меня предупредить, но побоялся. Я же, понимая всё, проговорил тихо:

- Арчи, услышишь шум – вызывай стражей. Но только когда шум закончится. Ты меня понял?

- Д-да, господин барон, - склонился почтительно держатель постоялого двора. Я улыбнулся ему и пошёл по лестнице наверх, вновь вытаскивая из ножен напоенный кровью врагом меч. Он, как всегда после многих жертв, потеплел и вибрировал, наполненный силой. Я прижался к стене сбоку от двери и аккуратно постучал. Тут же вжикнуло, и дверь пронзили два тяжёлых арбалетных болта – у засады не выдержали нервы. Я распахнул дверь и ворвался внутрь, увидев бледные, перекошенные лица убийц. Они ожидали жертву, но сами стали жертвами. И меч мой, вздымаясь раз за разом, отнимал их жизни. Все пять. Когда упал последний, я выдохнул, вновь вытер клинок и вкинул его в ножны. Быстро спустился вниз и подмигнул хозяину гостиницы:

- Вызывай стражей. Скажи, что в гостинице был шум.

- А вы, господин барон? – пролепетал Арчи.

- А меня ты сегодня вечером не видел, - я вышел на улицу и вскочил на Чучело. Стеклянный волк, обиженный тем, что не поучаствовал в сражении, плёлся рядом, а я проговорил ему: - Полно тебе, Глупыш! Успеешь ещё!

И тронул коня. Я обещал даме визит, а обещания надо сдерживать. Ехал я неторопливо, а после и вовсе остановился, чтобы убедиться, что задумка моя увенчалась успехом. И когда, спустя какое-то время я услышал топот отрядов стражников, крики и шум схватки в разных концах города, понял, что всё пошло по плану. Рубердонум ожидала весёлая ночка, потому как распалённые яростью стражники будут мстить за своих товарищей. И я не сомневался, что они хорошо знают убийц и всех, кто с ними связан. Пожелав стражникам удачной охоты, я пришпорил Чучело и помчал к особняку леди Хастифер, надеясь, что девушка с солнцами вокруг зрачков действительно меня ждёт…

А в это время в кабинете губернатора Пербус Галус заслушивал доклад своего помощника. Тот трясущимися губами рассказывал:

- Я не знаю, кто это, ваше сиятельство, но он перебил три отряда! Последний – из двадцати человек! Причём это был самый мощный отряд Ночной лиги – капитана Марвуса.

- А что сам Марвус? – спросил губернатор, чувствуя, как внутри всё заледенело.

- Убит, ваше сиятельство.

- А засада в гостинице?

- Тоже перебита, - помощник вытер платком вспотевший лоб, - Такое ощущение, будто мы разбудили самого демона!

- А что за шум в городе? – губернатор взял графин, хотел налить воду в стакан, но рука так тряслась, что вода лилась мимо. Тогда Пербус просто стал пить тёплую и противную жидкость из горлышка, пока помощник докладывал:

- Возле отряда Марвуса оказалось двое убитых стражников. Видимо, наёмники закололи их, когда ждали… цель. Теперь стража будто с цепи сорвалась. Они ищут и вытаскивают всех из Ночной гильдии. Кого-то убивают на месте, кого-то тащат в подвалы. Ночью был поднят генерал, и он теперь лично командует операцией. А он, как вы знаете, напрямую подчинён королю…

- Я знаю, да, - прошептал губернатор и резко встал, перевернув графин, но даже не обратив на это внимания:

- Прикажи подать карету и отряд охраны! Едем к эльфам. Мне доложили, что они знают этого… Ино Пинатума. И даже кланялись ему на балу, будто королевской особе.

Уже через двадцать минут губернатор стучал в двери особняка эльфов. Он, зная высокомерие первородных, ожидал, что его попросят прийти завтра, либо вовсе не ответят, но, на удивление, ему открыли, и эльф на пороге произнёс учтиво:

- Заходите, господин Галус.

Губернатор зашёл в особняк и увидел, что в холле его встречают двое официальных представителей Дома Лиловой кувшинки – Оэлин и Лайос.

- Господа, - поклонился им Пербус, - Меня привела к вам чрезвычайная ситуация. У нас, кхм, возникли некоторые разногласия с господином Ино Пинатумом. Погибло много людей. Сейчас ведётся следствие. И я хотел бы узнать у вас, кто такой этот человек и откуда.

- Человек? – поднял вверх одну бровь Оэлин и засмеялся, - Он не человек, губернатор!

Глава 16. Пять всадников

Сарисса ждала, и сразу же провела в кабинет, где был накрыт маленький столик. Будто знала, что я буду жутко голоден.

- Миледи, ещё немного, и я поверю, что вы действительно ведьма, - рассмеялся я, придвигая к себе блюдо с жареным каплуном.

- А я никогда и не отрицала этого, - рассмеялась в ответ Сарисса Хастифер, и я внимательно посмотрел на неё. И на всякий случай просканировал её на наличие силы. И удивился. Сила у неё действительно была, и немалая. Не те крохи, которыми пользовались современные маги, а настоящая, первозданная стихия огня. Именно стихия – плохо управляемая, но оттого не менее, а может, и более могучая. Я вежливо улыбнулся и принялся за еду, пытаясь утолить голод, который каждый раз чувствовал после схватки. А девушка молча смотрела на меня. И лишь когда я потянулся за бокалом с вином, она заговорила:

- Итак, Ино, кто ты такой?

Я вытер салфеткой губы и пожал плечами:

- Ино Пинатум, я не лгал.

- Но ты не обычный человек, Ино, ведь так?

- Как и вы, миледи, не так ли? Признаться, давно я не видел такого могучего дара.

Изумление отразилось на лице девушки, она возмущённо вспыхнула и спросила:

- Ты видишь магический дар?

- Когда желаю этого, - кивнул я головой.

- Давай уже на ты, Ино, - потребовала Сарисса, и я вновь согласно кивнул, - Итак, у тебя тоже есть дар?

Я задумался и заговорил, тщательно подбирая слова:

- Я не называл бы это даром, Сарисса, - я отпил вина и поставил бокал на столик.

- И что же это? – усмехнулась девушка.

- Один мой… компаньон по имени Торвус считает, что это проклятие. Страшное, древнее проклятие, которое упало на наши головы.

- Торвус? – прошептала, расширив глаза девушка, и проговорила, когда понимание коснулось её: - Ино. Торвус. А скажи мне, у тебя есть ещё компаньоны? С именами Баблер и Лет?

- Имеются, - я вновь потянулся к вину, - Сто́ит объяснять дальше?

Но девушка меня уже не слушала. Она шептала, глядя на меня:

- И в час, когда мир погрузится во мрак,
Пришлёт пять всадников Смерть!
И будет низвержен и вырезан враг,
И вновь утвердится Твердь.
Вернутся они, пройдя через ад,
Чтобы спасти людей.
И больше не будет пути назад,
Среди этих жарких дней!
Два всадника – Баблер и страшный Лет,
Внушают священный страх.
Но только они спасут людей,
Заблудших давно впотьмах.
Ещё двое – Ино и Торвус Хом,
Опасные, как змея.
Где эти проскачут, не будет больше
Ни подлости, ни гнилья.

А пятый – могучий и древний вождь,
Идущий всегда «на вы»,
За ним проливается крови дождь,
И полнятся кровью рвы…
Пять всадников гордо поскачут во Мрак,
Не зная горечи лет.
Уйдут в горнило сражений и драк,
Чтоб наступил рассвет.

Я залпом выпил вино из бокала и сам налил себе из бутылки ещё. Усмехнулся горько и проговорил:

- Ты хорошо знаешь древнюю балладу о Всадниках. Но только ты забыла последний куплет.

- Какой куплет? – удивилась ошеломлённая девушка: - Во всех версиях её только эти строки.

- Вот как? – задумчиво проговорил я. Выпил ещё один бокал и вновь налил, - Быть может, монахи решили укоротить изначальную версию слепого барда?

- Ты расскажешь мне? – спросила Сарисса.

- Изволь, - пожал я плечами. И продекламировал мрачно:

- Но если страшится их даже Мрак,
То будет ли это полезней?
И не окажется ль в мире так, -
Лекарство опасней болезни!

Сарисса мотнула головой и проговорила:

- Да уж, последний куплет действительно мрачноват.

- Слепой Аэд и при жизни был мрачноватой личностью, - я отодвинул, наконец, бокал, так как выпитое вино начинало шуметь в голове, и спросил: - Ещё вопросы есть?

- Ты человек? – спросила Сарисса и покраснела.

- Я был рождён человеком, - я откинулся в кресле, и произнёс максимально честно: - Но я не знаю ответа на твой вопрос.

Девушка молчала, и я решил продолжить:

- Что такое человек? Я чувствую так же боль и горечь, счастье и радость. Я боюсь и надеюсь. Физиологически я, наверное, тот же, что и был. Ибо особой силой я был наделён при рождении. Но эльфы нас людьми не считают.

- И кем же они вас считают? – живо спросила Хастифер, сверкнув глазами.

- Они называют нас Иными, - махнул я рукой.

- Ты сказал, что Аэд был мрачноватым… - Сарисса помялась немного, - Ты лично знал написавшего эту балладу? Которую знает сейчас весь разумный мир?

- Знал, - ответил я.

- Так вы… действительно бессмертные? Как эльфы? – девушка смотрела на меня со смесью ужаса и любопытства. И я поморщился немного:

- Эльфы не бессмертные. Просто живут много дольше людей. Лет по триста-четыреста примерно. Вот и кажутся людям бессмертными. На самом же деле и они умирают.

- А вы? – Сариссу не так просто было увести от темы.

- И мы умираем, - усмехнулся я, - Много раз. И, поверь – это очень больно.

- И… как возвращаетесь?

- На этот вопрос я не могу ответить, прости, - покачал я головой, - Не потому, что не доверяю тебе. А потому что тайна может случайно выплыть. А это не грозит ничем хорошим…

- Почему? – распахнула глаза девушка.

- Потому что люди любят власть, а ещё они боятся непознанного, - горько сказал я. Подумал, рассказывать ли, и решился: - Много веков назад один царёк узнал не просто наш секрет, он узнал, где возрождаются двое из нас. И поставил там охрану, которая убивала воскресающих вновь и вновь. Раз за разом. На протяжении многих лет. Пока остальные не почуяли неладное и не отправились на поиски…

- И что было дальше? – девушка подалась вперёд, ещё шире раскрыв глаза, в которых плескались солнца.

- Царёк устроил на нас засаду, и первый раз погибли все. Но трое, возродившись в другом месте, уже знали об измене царька. И в следующий раз засаду уничтожили. А потом мы, все пятеро, пришли к царьку и вырезали его, всю его семью, всех советников. И всех, кто был причастен. Вырезали даже семьи воинов, стоявших у мест возрождения…

- Мирах Третий, - прошептала Сарисса, взяла свой бокал и одним глотком опустошила его, - Мирахская резня!

Я кивнул, внимательно наблюдая за девушкой.

- Но в учебниках написано, что это произошло четыреста лет назад.

Я почесал указательным пальцем лоб и произнёс:

- Наверное. Я давно не считаю годы.

- А ещё в учебниках написано, что Мирахскую резню устроили твари Пряди!

- Ну, если разбираться досконально, то они и были главными виновниками, - я не думал оправдываться, но хотел объяснить, - Они вошли в сговор с Мирахом Третьим и предложили ему убить нас…

- Боже, - потрясённо прошептала Сарисса, - Как всё перевернулось сейчас! Он же предстаёт чуть ли не героем человечества, убитым тварями Пряди. А за него якобы отомстили… Всадники. Неужели всё ложь?

- Почему же ложь? – я усмехнулся, - В какой-то мере мы за него отомстили. Нашли тех, кто подговорил Мираха на это дело, и уничтожили их всех. Прядь долго потом не выкидывала тварей в наш мир.

Теперь Сарисса сама налила себе полный бокал и залпом выпила. Посмотрела на опустевшую бутылку и позвонила в колокольчик. И когда в двери возник дворецкий распорядилась хрипло:

- Ещё две бутылки вина! Самого лучшего!

- Слушаюсь, миледи! – невозмутимо ответил дворецкий, и уже через несколько минут принёс две запылённые, в сургуче бутылки. Быстро вытер их от пыли и потянулся было открывать, но Хастифер жестом услала его, проговорив:

- Мы сами, Мишель! Отправляйся спать. Сегодня ты уже не понадобишься.

И вновь дворецкий невозмутимо кивнул и ушёл. А я взял одну из бутылок, открыл, и понюхал:

- Отличный букет, - похвалил, и хозяйка кивнула:

- Этому вину, конечно, не столько лет, как вам, но лет восемьдесят будет!

- Так изящно меня ещё никто не называл стариком, - расхохотался я, и Сарисса тоже улыбнулась. А потом потребовала:

- Наливай! – и когда выпили действительно бесподобное вино, спросила: - А гномы? Как вас называют они?

- Древними…

Глава 17. В оазисе

Проснулся я поздно, когда солнце яростно светило в окна спальни. Сариссы рядом не было, хотя я хорошо запомнил, что засыпали мы вместе. Когда я услышал тихий стук в дверь, то сразу скользнул к краю кровати и выхватил из ножен меч, почуяв пальцами его шершавую рукоять. Клинок, наполненный силой, радостно завибрировал, а я хрипло спросил:

- Кто?

Дверь открылась, и в спальню вошла Сарисса, уже полностью одетая и даже накрашенная. Будто собиралась на светский приём. Она хитро улыбнулась и сказала:

- Внизу вас, господин Пинатум, ждёт губернатор Рубердонума господин Галус.

- И что ему надо? – проворчал я, пытаясь найти своё нижнее бельё. Сарисса хихикнула, скосила глаза вниз и произнесла:

- Не знаю, но тебе лучше одеться, Ино! А то два клинка сразу – это слишком даже для губернатора.

Я хмыкнул, нашёл, наконец, свою одежду, и принялся быстро облачаться, а потом проследовал за хозяйкой поместья.

Губернатор сидел за столиком в холле, но, увидев меня, тут же вскочил, засуетился, и, шагнув навстречу, глубоко поклонился, произнеся:

- Баро Пинатум, боюсь, произошла чудовищная ошибка! Я приношу извинения за действия своего племянника и ответственно заявляю, что род Галусов выплатит компенсацию всем, кого он обидел.

Я удивлённо мигнул, восхищённый изворотливостью чиновника, и вновь отметил, что господин Галус явно обладает незаурядными способностями. Потому, таких стоило бояться втройне. Но ни одной мысли я не показал, лишь улыбнулся холодно и проговорил максимально вежливо:

- Я рад, господин губернатор, что недоразумение разрешилось.

- Пербус, - невинно спросила Сарисса, - А что за шум всю ночь был в нашем славном городе? Слуги мне докладывают, что с утра не работает половина магазинов и рынков, а трупповозки едут одна за одной! Мы так боимся!

- Какие-то бандиты, госпожа Хастифер, устроили беспорядки, - губернатор покраснел: - Но стража уже нашла всех виновных и покарала! Так что можете чувствовать себя в полной безопасности!

Губернатор немного заискивающе посмотрел на меня, и я кивнул ему, показав, что прекрасно понял, о чём он. И даже попил с ним чаю, поддерживая светскую беседу, дав понять, что инцидент действительно исчерпан. Урок, судя по всему, пошёл на пользу дворянину, и, даст Бог, из него выйдет местечковая дурь. А если нет, то сюда всегда можно будет вернуться. А после завтрака, когда губернатор откланялся, я учтиво произнёс девушке с солнцами вокруг зрачков:

- Сарисса, я хотел бы очень задержаться, но у меня важное обязательство перед Баблером. И мне надо ехать дальше.

- Я всё понимаю, Ино, - кивнула головой она и спросила вдруг: - Меня с собой взять не можешь?

Я отрицательно покачал головой, и она погрустнела. Спросила уже робко, с надеждой:

- А… ещё сюда заедешь?

- Могу на обратном пути. Я уже буду не так торопиться, и смогу пробыть в городе несколько дней, - ответил я.

- Тогда я буду ждать тебя, господин Ино Пинатум! - а потом засмеялась и сказала весело: - Жениться не заставлю, не бойся!

- Да я и не боюсь, - развёл я руками. Поцеловал крепко девушку в губы и вышел во двор, где меня уже ждали Чучело и Глупыш. Я вскочил в седло и, махнув рукой, пришпорил того, кого все принимали за коня. Долгие проводы ни к чему. Даст Бог – встретимся. А если не судьба, то и сердце лишний раз рвать девушке не хочется. Потому я даже не обернулся, посмотреть, провожает ли меня Сарисса с солнцами вокруг зрачков…

…Что-то неладное я заметил в одном небольшом селении, в южном уже королевстве, граничащем с королевством Пульшер. Впрочем, местные предпочитали свои страны называть не королевствами, а халифатами, что сути не меняло. Так как халифы обладали точно такой же властью, как и короли, и даже побольше. Этот халифат назывался Джэв, и был довольно огромным. Впрочем, больше половины земель халифата занимали пустыни, либо малопригодные для земледелия песчаники, а городки, да поселения ютились вокруг оазисов, да вдоль пыльных, прожаренных солнцем дорог. Вот в одном поселении, дворов на полсотню, я и заметил неладное.

Вначале я почуял, что за мной следят. Подумал было, что вновь соблазнились Чучелом, но после поменял своё мнение. Если бы следивших интересовал конь, они давно бы уже попытались напасть или выкупить животину. Да и тех, кто следит, я не замечал дня три, что само по себе было странным. Только позже я понял, что слежку установил маг. Я даже смог вычислить источник – небольшую булавку, напитанную силой, которую мне воткнули в седло. Я мог выкинуть её, но тогда загадка бы осталась неразрешённой, и я решил пока оставить булавку и посмотреть, что будет дальше. На всякий случай вновь надел на руки наручи, а перед сном старательно раскидывал охранные заклинания.

Но напасть на меня решили не ночью, а днём, спустя три дня слежки. Я как раз подъезжал к небольшому оазису и заметил, что там отдельно друг от друга расположились сразу две компании по дюжине человек, которые старательно делали вид, что не знакомы друг с другом, и им друг на друга глубоко плевать. Однако, я сразу понял, что это один отряд, который просто разделился надвое. Не подав и вида, что разгадал их игру, я спокойно поздоровался и прошёл к источнику с водой, чтобы наполнить фляги и напоить Чучело. Стеклянный волк по моей просьбе перешёл в призрачное состояние и остался у входа в оазис, чтобы не напугать чутких животных. Когда я набирал фляги, ко мне развязной походкой подошёл молодой воин и спросил:

- Куда движешься, незнакомец?

- По делам, - меланхолично ответил я, наполнив вторую флягу и подставляя под струю воды третью. Подошедший нахмурился и проговорил, бросив взгляд на своих подельников:

- Не слишком ты вежлив в пустыне, кяфир. Не боишься неприятностей?

Я наполнил третью флягу, аккуратно закрыл её и повернулся к незнакомцу:

- Вежливым нужно быть с теми, кто ведёт себя любезно. Представляется и спрашивает, не нужна ли помощь. Или обычаи халифата Джэв так резко изменились?

- Ты будешь учить меня обычаям, кяфир? – картинно вскипел подошедший, хватаясь рукой за рукоятку кривой сабли, называемой здесь ятаганом.

- Почему бы и нет? – пожал я плечами, - Из меня мог бы получиться неплохой педагог. Если ты знаешь значение этого слова.

К незнакомцу подошли ещё четверо из его отряда и угрожающе остановились за его спиной. Один из них, могучий и бородатый, проговорил басом:

- Меня зовут Улам иль-Балым, кяфир. Но я говорю это не из любезности, а для того, чтобы ты знал моё имя. Мой племянник не представился и не предложил помощь потому, что на кяфиров наш обычай не распространяется. Ты чужак, и тебя сюда никто не звал.

- Так и вас сюда никто не звал, - рассмеялся я.

- Мы здесь живём, чужеземец, - сузил глаза иль-Балым.

- Вы пришли сюда триста лет назад незваными, истребили местное население, а кого не убили, того поработили. Потому ещё нужно разобраться, кто из нас более незваный, - я давно перестал смеяться и говорил ровно и холодно, - Но сейчас меня интересует не это…

- И что же тебя интересует, кяфир? – бородатый рассматривал меня с каким-то весёлым любопытством.

- Две вещи, - я опустил фляги на землю и потянул из ножен свой клинок, - Первая – почему вы не напали на меня сразу и делаете вид, что незнакомы. А вторая – кто у вас главный?

- И зачем тебе главный? – явно насмехаясь, спросил Балым.

- Я оставлю его в живых, чтобы узнать, кто вас послал. Остальных мне придётся убить, - я говорил спокойно и серьёзно, но халифцы приняли мои слова за шутку и начали ржать, хлопая себя ладонями по ляжкам.

- Старший – я, - заявил Улам иль-Балым и вновь расхохотался, - Можешь убивать остальных!

- Ты не ответил на первый вопрос, - я взмахнул мечом и наклонил голову влево-вправо, разминая шею.

- Это на какой? Почему не напали сразу? – Балым отсмеялся и заговорил с весёлым удивлением: - Интересно стало, почему на одного кяфира вдруг понадобился целый отряд наёмников, да ещё и с наказом убить тебя в спину, чтобы ты не успел дотянуться до оружия!

Халифец оглянулся на своих людей и проговорил, гордо подбоченясь:

- В моём отряде лучшие воины на тысячи лиг на юг и север! И каждый из них с тобой расправится один на один. Однако же нас упрашивали сделать так, как просят. Вот я и решил лично посмотреть, кто ты такой, кяфир, и поговорить с тобой.

Я подумал немного и произнёс ровно:

- Если ты расскажешь, кто заказчик, а после уберёшься со своим отрядом отсюда, я оставлю вам жизни. Даю слово.

Улам вновь заржал, захлопав себя ладонями по ляжкам. В это время трое из его отряда подошли к Чучелу, видимо, уже посчитав того законной добычей. А я, чтобы зря не терять времени, крикнул:

- Глупыш! – и кинулся на стоящих рядом со мной. Я увидел, как расширяются в изумлении глаза наёмников, как самый первый подошедший пытается вытянуть из ножен ятаган. Но было поздно. Я отсёк руку наглецу, а потом тремя ударами зарубил остальных, оставив в живых лишь Улама. Тот поперхнулся смехом, а после, когда я рубанул его рукоятью меча в висок, и вовсе упал без сознания. Второй отряд хотел было кинуться ко мне, но среди них возник стеклянный волк и принялся рвать наёмников. Среди тех раздались крики ужаса и предсмертные вопли, перемежаемые рыком Глупыша. Чучело тоже не остался в стороне и втаптывал копытами троих подошедших к нему халифатцев. Я кинулся к четырём оставшимся в живых наёмникам, но те кинулись бежать в пустыню. Я успел зарубить одного, а троих догнали и уничтожили Чучело и Глупыш.

Я в это время вернулся к лежащему без сознания Уламу иль-Балыму, тщательно связал его и принялся обыскивать погибших и их имущество, пытаясь найти хотя бы какой-то след к тому, кто заказал меня убить, да ещё и в спину. Однако, кроме монет, оружия, да всякой дряни вроде украшений, ничего стоящего не нашёл. Тогда я подошёл к командиру уничтоженного отряда и, чтобы не тратить такую драгоценную в пустыне воду, просто на него помочился, чтобы привести в чувство. И когда Балым открыл глаза, произнёс равнодушно:

- А теперь мы поговорим…

Глава 18. Сражение в пустыне

Балым лежал, харкая кровью, потому как я выбил ему несколько зубов, чтобы он стал разговорчивее. Хотя, халифец, устрашённый молниеносной гибелью отряда, и так был разговорчивым. Но очень уж меня душила злость на таких вот самоуверенных, ставящих себя выше других. Я узнал, что хотел, и уже думал прикончить командира наёмников, как услышал из пустыни вой стеклянного волка. Поднял голову, всматриваясь в жаркое марево, кинул туда плетение поиска и злобно ощерился. В мою сторону двигался целый отряд из сотни янычар, а с ними двое магов. Видимо, заказавший покушение, всё же не надеялся полностью на наёмников и решил перестраховаться. Что же, тем лучше! Я повернулся к Чучелу и сказал:

- Врагов много, ты же хотел повеселиться?

Тот, кого принимали за коня, всхрапнул радостно и грозно и принялся преображаться. Покрылся бронёй, изменился весь, приняв истинное обличие. Я подошёл к келпи и потрепал его по холке:

- Ну что, друг мой – повеселимся?

И Чучело, всхрапнув по привычке, прорычал басовито:

- По-ве-се-лим-ся-а-а-а-а!

- Кто ты такой, шайтан тебя возьми? – простонал связанный командир наёмников.

- Шайтан? – я с удивлением посмотрел на Улама и расхохотался, чувствуя, как каменеет лицо: - Шайтаны при виде меня разбегутся сразу! Жди меня здесь, червь!

Я ударил наручами друг о друга, и они зазвенели, отзываясь. Вой стеклянного волка послышался ещё ближе, и я увидел наконец вражеский отряд. Янычары ехали неторопливым шагом, но в боевом строю по десять всадников, выставив вперёд копья. Я вышел из оазиса и повернулся к келпи:

- Спрячься пока за деревьями! Я попробую поговорить. Не получится – убивай!

Чучело послушно встал за пальмой, почти пропав из виду. Он был сродни стеклянному волку и умел прекрасно маскироваться. А я поднял руку и заорал навстречу едущим янычарам:

- Кто бы вы ни были – стойте, если хотите жить!

На удивление, сотня остановилась, а от отряда выехал вперёд могучий мужик на вороном жеребце и проговорил громко:

- Я представитель королевских войск сотник Сахих Абдала! Представься, кяфир! У нас есть сведения, что в оазисе произошло или должно произойти преступление! Мы ищем сынов шайтана под предводительством Улам иль-Балыма, чтобы арестовать и доставить на суд халифа!

- Я Ино Пинатум, сотник. Но с поимкой отряда Улама вы опоздали. Они все мертвы, кроме своего командира.

- Мы въедем в оазис, чтобы поговорить, и чтобы узнать, как ты смел угрожать смертью халифским войскам!

- Разве я угрожал? – удивился я.

- Ты потребовал остановиться, иначе грозил смертью, - сотник слез с коня и пошагал ко мне. Я услышал встревоженный храп Чучела, и послал ему сигнал, чтобы келпи пока сидел спокойно. А сам шагнул навстречу Сахиху и проговорил:

- Вспомни мои слова, сотник. Я посоветовал остановиться, если хотите жить. Я не грозил, а предупреждал.

Сотник остановился передо мной и нахмурился:

- Что может грозить лучшим воинам халифа на землях Джэва, кяфир?

В это время я почувствовал, как двое магов в конце отряда стали плести страшное заклинание по вызову ифритов и рявкнул:

- Они!

Сотник оглянулся, и увидел, как келпи, вылетев из-за деревьев ударил в первую шеренгу янычар, и принялся рвать их своими зубами и топтать копытами. А степной волк, подчиняясь моему мысленному приказу, ударил сзади, чтобы порвать магов – самое страшное, что нам противостояло. Глупыш успел, но эти отрыжки бездны сумели призвать сразу пятерых огненных демонов, и те, прямо сквозь строй янычар, кинулись ко мне. Но сбоку на ифритов налетел мой келпи – водяной демон, и завязалась такая схватка, что янычары просто умирали, не успев даже разбежаться. Сахих Абдала с ужасом смотрел на гибель своего отряда, но я подскочил к нему и ударом рукоятки в висок отправил сотника отдыхать. А сам кинулся на помощь стеклянному волку и келпи. Пара десятков янычар, выживших после сшибки водяного духа и ифритов, разбегались по степи, но двое кинулись навстречу ко мне, и они явно не были напуганы. По их движениям, по скорости, я сделал вывод, что это те самые убийцы магов – жестокие и страшные воины, которыми пугали маленьких детей. Элита элит, тренировавшаяся с раннего детства бою со всеми видами оружия, умеющие вызывать транс и биться в нём, ускоряясь в несколько раз. Вот и сейчас двое этих убийц будто размазались, пытаясь максимально быстро добраться до меня. И я ускорился тоже, максимально, так, что движения этих двух стали не просто обычными, даже чуть замедленными. Там, где убийцы магов учились – мы с Торвусом и Баблером в своё время преподавали. И учили людей этим навыкам для того, чтобы они могли противостоять тварям Пряди. По горькой иронии сейчас потомки учеников решили убить учителя.

Убийцы, наконец, подбежали ко мне, и в их взглядах я увидел растерянность. Видимо, впервые во время транса они встретились с тем, кто не уступает им по скорости. А я отвел выпад одного, переместился ему за спину и рубанул наотмашь, уходя одновременно от удара второго. Даже несмотря на то, что двигались убийцы магов чуть медленнее меня, оказались они очень слаженными, потому серьёзными противниками. Да и в искусстве фехтования так называемые убийцы магов были на высоте. Первый даже сумел уйти от удара, и мой клинок лишь царапнул его, оставляя небольшую рану на левой руке. Я проскользнул под мечом второго и рубанул кастетом в голову. В этот раз попал удачнее и услышал хруст сминаемых рёбер. Первый в это время уже вскочил на ноги и кинулся на меня, сделав длинный выпад. И вновь я ушёл с линии атаки, прикрываясь вторым, согнувшимся от боли убийцей, как щитом. Но второй меня вновь удивил, резко упал плашмя, и первый ударил вновь.

В этот раз я еле успел уйти, и теперь клинок халифца царапнул меня сбоку, в районе рёбер. Я резко крутанулся на месте и рубанул клинком параллельно земле. Метил в шею, но убийца стал уходить вниз, и Каладболг врезался в середину черепа, просто снеся половину головы. Второй убийца пытался в это время подняться с земли, но я прыгнул на него сверху, впечатывая в спину оба каблука. И услышал, как хрустнул позвоночник халифца. Больше не оглядываясь на этих недоносков, я рванул на помощь Чучелу, который смог уничтожить уже двоих ифритов, но ещё двое всё чаще нападали на него, и он кренился на один бок, явно раненый. Третий оставшийся ифрит отбивался от Глупыша, яростно атакующего демона огня. И я призвал, наконец, силу своего клинка, и, высоко подпрыгнув, ударил сверху вниз одного из ифритов. Тот даже не думал уклоняться, полагая, что имеет дело с обычным оружием, за что и поплатился. Мой меч рассёк огненную суть демона, уничтожая его и наполняясь этой новой для себя силой. Второй ифрит отпрянул, оценив новую угрозу, развернулся ко мне, но атаковать не успел, так как Чучело ударил его сбоку и уничтожил в мгновение ока. И я в который раз порадовался, что дух воды решил стать мне надёжным другом и помощником.

Вдвоём мы кинулись на помощь к стеклянному волну, и, когда Глупыш в очередной раз уцепился в ифрита, я вновь рубанул демона своим клинком, и Каладболг завибрировал радостно, впитывая в себя силу ещё одного исчадия. Я оглядел поле боя и увидел, что янычары не успели далеко разбежаться:

- Глупыш, их всех надо убить! – проговорил я, чувствуя, как болит разрезанный убийцей магов бок.

Стеклянный волк рыкнул и размылся, кинувшись охотиться на обезумевших от ужаса элитных бойцов халифа. А я быстро подошёл к Чучелу и спросил:

- Сильно ранен?

- Н-нужна вода, - виновато ответил тот.

В оазисе келпи погрузился в источник и на глазах стал преображаться, исцеляясь в родной стихии. А я улыбнулся счастливо и проговорил:

- Надо было ударить по ним наручами!

- Н-нет, - пробулькал водный дух, нежась в источнике: - Пригодится ещё. За нами охота.

Я кивнул, соглашаясь, и пошёл за сотником, морщась от боли в боку. Схватил Сахиха за ногу и потащил, не церемонясь, прямо по песку. Бросил возле предводителя наёмников Балыма, тщательно связал, дождался возвращения Глупыша и, приказав сторожить пленников, вновь подошёл к источнику. Сел рядом с келпи и спросил:

- Меня не смог бы подлечить? До кости рассекли, сволочи!

Струйка воды поднялась из источника и коснулась моего бока. Тело приятно захолодило, ушли боль и жжение. А рана на глазах затянулась, превратившись в розовый рубец. Я улыбнулся Чучелу благодарно, поднялся и пошёл к пленникам. Сахих Абдалла уже очнулся, и, как и Улам, смотрел на меня с ужасом. Я присел возле него и спросил мрачно:

- Тебя пытать, или расскажешь всё сам?

- Я расскажу всё сам, клянусь, батыр, убивший ифритов, - стуча зубами проговорил Абдала. А после скосил глаза на Балыма и проговорил, стиснув зубы: - Это ты всё испортил, шайтан!

Балым даже отвечать не стал. Он лежал тихонько и подвывал, а его открытые глаза будто устремились внутрь себя. Я подумал даже, не тронулся ли он умом, но Балым вдруг очнулся будто, и прохрипел:

- О величайший! Прости за то, что пытались убить тебя! Пощади, и я пойду за тобой на смерть! Ибо ты посланник богов, иначе как объяснить силу твою?

Я махнул рукой, приказывая Балыму заткнуться, а сам обратился к Сахиху:

- Рассказывай подробно, червяк, кто послал и какое было приказание.

- Послал меня лично халиф Раа Лин, да продлятся его дни до бесконечности! – затараторил сотник, - Но указания давал главный маг королевства Али Странд. Он сказал, что ты посланник шайтана, и тебя нужно уничтожить! Потому с нами шли двое самых могучих магов халифата!

- А сам Странд? – уточнил я.

- Остался в столице, о могучий, - прохрипел сотник.

- А как переводится с вашего языка Странд? – спросил я Абдалу, и тот прошептал:

- Прядь…

Я кивнул понятливо и спросил равнодушно:

- Так что ваш Странд приказал?

- Если бы Балыму удалось убить тебя, то нам надо было расчленить тело и доставить в столицу. Особенно проследить за тем, чтобы в столицу попали наручи и меч. А если бы не удалось, отвлечь на какое-то время внимание, а маги сами должны были убить тебя!

- Но что-то пошло не так, - невесело расхохотался я, уставший от подлости и тупости разумных. Но потом успокоился и спросил: - Кто-то ещё идёт за вами?

Глава 19. Нечто

Чучело важно вышагивал по растрескавшейся земле, а я помнил ещё то время, когда здесь была плодородная пойма, и трудолюбивые крестьяне растили здесь рис. Потом Прядь расширилась, и это коснулось всего континента. Менялся ландшафт. Проснулись вулканы. Двигались земли и уходили под воду острова. А здесь река пересохла, либо сменила русло, а сюда пришла пустыня. Слишком жаркое южное солнце выжгло плодородную землю досуха, выжарило всё, способное рожать, и земля потрескалась, закаменела. Я ехал к горам, которые начинались чуть дальше. Там обитали гномы племени Яростного Молота. Вообще коротышки любили яркие и грозные названия: Яростный Молот, Вызывающий Страх и прочее. Хотя, страх они не сильно вызывали. Но, справедливости ради, воинами являлись могучими. Местные халифы, пользуясь тем, что основные гномьи королевства далеко на севере, а здесь в горах расположился всего один клан, пытались как-то подчинить его, а то и вовсе уничтожить, чтобы получить доступ к руде и каменьям. Но раз за разом их армии получали такую трёпку, что с позором откатывались назад, а гномы, засучив рукава, принимались восстанавливать разрушенные очередным любителем наживы защитные укрепления и ловушки.

Я, кстати, и сейчас видел эти ловушки, проезжая горной тропой. Можно было бы выбрать другую дорогу, там, где ходят торговые караваны. Она более безопасная. Но тогда я потеряю слишком много времени, а его и так катастрофически не хватает. Вот и ехал по малоприметной тропе, надеясь, что она не изменилась за последнее время, а также, что сумею различить все выставленные коротышками западни. Тем более, я чуял, что за мной по пятам идёт Нечто – могучее и страшное. И не был уверен, что смогу справиться с этим Нечто даже с помощью наручей.

Чучело всхрапнул и остановился внезапно. Я покосился на стеклянного волка, принявшего ещё в долине призрачный, полупрозрачный вид, и поднял глаза вверх по склону, определяя опасность. Аккуратно спрыгнул с коня и потянул из-под седла меч, ощущая пальцами шероховатую поверхность рукояти.

- Дылда, убери оружие, - послышался мощный бас слева и сверху. Однако я правильно переместил взгляд и посмотрел направо. Давно знаю эту способность горного народа проводить трубы, в которые они и кричат, чтобы звук шёл с другой стороны. Небольшая хитрость, а помогает вводить в заблуждение врага. В горах и так трудно определить направление звука, а уж с трубами – и вовсе невозможно. Но я выкинул сеть и прекрасно ощущал, что на тропе пятеро гномов: трое справа сверху, а двое – внизу, на самой тропе, спрятавшиеся за большим булыжником.

- Без оружия я разговариваю с друзьями, а не с теми, кто устраивает засады на мирных путников, - ответил я, поглядывая в направлении гнома.

- Это ты-то мирный? – хохотнул представитель подгорного племени, - То-то меч у тебя, да сбруя, как у лыцаря?

- Конечно, мирный, - кивнул я, - просто каждый мирного обидеть норовит, вот и приходится отбиваться.

- Если ты мирный, то я орк, - продолжал упражняться в остроумии гном, - Спрячь оружие, говорю! А то пожалеешь!

- Да ты выходи на свет божий, тут и потолкуем, что мне прятать, а что нет.

- Балби, выйди к дылде! А ты, дылда, аккуратнее! Нас тут полсотни и все с арбалетами! Будешь плохо себя вести – так нашинкуем, что будешь на ежа похож!

- Это кто ж тебя счёту учил? – усмехнулся я, разглядывая вышедшего из-за валуна коротышку. Был он широкоплеч, в кольчуге и с огромной металлической палицей, - Если ты пять от пятидесяти не отличишь?

- Ты маг, что ли? – засопел гном, и проговорил не менее решительно: - Мы и впятером тебя, ежели надо – уделаем так, что мало не покажется.

- И за что же? – спросил я, глядя, как Балби подошёл ко мне на расстояние десяти шагов и остановился, насупившись и недружелюбно буравя взглядом.

- А что ты в наших горах делаешь? – спрашивал спрятавшийся сверху гном.

Я подмигнул Балби и спросил с интересом говорливого:

- А купчая на горы имеется? С чего вдруг эти горы твои?

- Испокон веку, потому что, они наши! – уверенно заявил гном.

- Да вы тут всего-то лет триста-четыреста, - уличил я гнома во лжи, - До вас тут гоблины жили. До них и вовсе тролли обитали. А вот когда Гомус откололся от племени Дикого Горнила, да основал своё – то и привёл сюда людей, тьфу ты, гномов! Прямо к этим горам.

- Балби, что там за человек? – спросил говорливый своего соратника, - Глянь ты, историю нашу ещё выучил!

Балби посопел немного, я почувствовал, как ко мне потянулась осторожно магическая нить, и не стал препятствовать, так как угрозы для себя не видел. А гномий маг сморщил лицо и заявил неуверенно:

- Это не совсем человек, Голд!

- А кто же? – с сарказмом спросил говорливый, - На тролля и гоблина не тянет. На эльфа тоже не похож.

А потом Голд и сам показался сверху, высунув голову из-за каменной гряды:

- Ты кто такой, дылда?

- Ино Пинатум, - пожал я плечами.

Голова Голда сразу же скрылась за грядой. Я услышал шорох камней, и в ворохе пыли и щебня сверху съехал говорливый гном. Оправил кольчугу и потопал навстречу. Остановился шагах в пяти и даже попробовал изобразить поклон:

- Извини, Древний, не признали! У нас тут начали шалить какие-то личности тёмные. Вот мы и устраиваем дозоры.

Голд протопал поближе, демонстрируя пустые ладони. Я так же демонстративно засунул меч под седло и пожал протянутую руку гнома. А потом спросил с интересом:

- И давно шалят?

- Да месяца два-три – точно! – ответил уже Балби.

Остальные гномы высунулись из засады, но спускаться не торопились, слушая нашу беседу издалека.

Я прикинул, что примерно в это время мне пришёл Зов от Рекса ехать на границу, и подумал сразу – не связано ли одно с другим. Впрочем, озвучивать свои мысли не стал. Зато Балби спросил:

- Древний, тебе нужно содействие племени?

Я покачал головой:

- Нет, мне нужно просто проехать на ту сторону гор, - я оглянулся назад и сказал: - Мне кажется, за мной движется Нечто. И я не знаю его силы. Если будет проходить мимо вас – просто пропустите. Не уверен, что сможете его победить!

- Мы? Да не сможем? – начал было бахвалиться Голд, но Балби оборвал его, и сразу стало понятно, кто старший в этой команде:

- Если Древний сказал, что не сможем, и нельзя трогать – не тронем!

Говорливый гном обиженно замолчал, а гномий маг спросил меня:

- Как выглядит это Нечто?

- Не знаю, - честно признался я, - На меня нападали несколько раз люди и ифриты. Но Нечто так и не выползло ни разу. Может, какая-то тварь Пряди. Может, ещё какое зло. Идёт по пятам, но не нападает.

Балби нахмурился и спросил:

- Силу не чуешь? Мы можем попытаться, Древний, вдруг поможем?

- Не нужно, Балби, - ответил я гному, - Даже я не уверен, смогу ли победить. Я чую, что оно мощное. Но насколько – не понимаю.

Гном задумался на мгновение и сказал:

- Впереди ещё несколько дозоров. Я передам им, чтобы тоже не нападали. А если мимо нас пройдёт Нечто, гномы скажут тебе, как оно выглядит. Мы не будем нападать, Древний! И если нужно будет содействие – просто скажи!

Я пожал руку магу, и тот решился:

- А… Рекс? Появился?

- Да, он здесь, с нами, - кивнул я, и Балби улыбнулся. Проговорил застенчиво: - Передай вождю, что племя Яростного Молота готово выдвинуться по первому зову!

- Обязательно, - наклонил голову я, а гном спросил:

- Ино, а это… Тот самый меч? С рукоятью из чешуи нагов? – гном ткнул пальчиком в торчащую из-под седла рукоять, и я кивнул, улыбнувшись. Страсть гномов к оружию, тем более, необычному, давно вошла в поговорки.

- А можно… - прошептал гномий маг, превратившись в мальчишку, - Посмотреть поближе? Про него у нас легенды ходят. Ведь его ковал сам великий Антистес!

Я улыбнулся, достал клинок и осторожно протянул гному:

- Подержи в руках, Балби! Я разрешаю!

Гном задрожал от нахлынувших чувств и даже побледнел так, что я испугался даже – не хлопнется ли в обморок. Но маг справился с собой и аккуратно взял в руки клинок. Все четверо гномов, сидевших с ним в дозоре, уже были рядом и склонились над моим Каладболгом. Его действительно выковал в своё время легендарный кузнец гномов Антистес. Правда, в то время он ещё не был легендарным. Но отличным кузнецом был. Именно потому я принёс ему небесное железо, а также чешую нага. И кузнец гномов сделал невозможное – не только выковал оружие, но и сумел вложить в него душу, оживить, сделать мощным и волшебным. Хотя, тогда все думали, что секрет этот утерян много веков назад. И теперь гномы, как малые дети, боясь даже дышать, рассматривали Каладболг. Я усмехнулся и произнёс мягко:

- Могу я попросить меч назад? Время, правда, не терпит!

Балби с поклоном протянул мне меч, и когда отвечал, клянусь, слеза сверкнула в его глазах:

- Спасибо за эту честь, Древний! Я держал в руках самое великое сокровище и буду рассказывать об этом свои детям и внукам!

Я закинул меч в ножны и вскочил на Чучело. Прижал руку к груди, приветствуя подгорный народ, и пришпорил того, кого принимали за коня. Слева и справа тянулись унылые горы, россыпи и чахлые деревья, я отпустил поводья, дав Чучелу волю, а сам вновь и вновь пытался прощупать Нечто, следующее за мной. Гномы меня больше не беспокоили, предупреждённые первым дозором. И лишь на выезде из горной гряды из-за камней вышел представитель подгорного народа и поднял руку:

- Приветствую тебя, Ино Пинатум! У меня послание от мага Балби!

Я спешился и поклонился, внимательно слушая.

- Нечто имеет вид чёрного, как ночь, кентавра. Оно мчит, будто не касаясь поверхности. И от вида его кровь стынет в жилах от ужаса. Будь осторожен, Древний!

Глава 20. Изваяние

За несколько лиг до цели, в степи мне встретилась банда разбойников. Два десятка вонючих, бородатых халифатцев – явно дезертиры, так как одеты были многие в военную одежду, а при себе имели ятаганы, решили почему-то, что одинокий всадник будет для них лёгкой добычей. Хотя я и торопился, но решил развеять скуку, потому вступил в диалог с этими бородатыми рыцарями наживы.

- Мирного неба вам над головой, уважаемые друзья! – я старательно играл дурачка, и разбойники купились. Пересмеиваясь, подъехали ко мне, окружая со всех сторон. Оно и понятно – Чучело выглядел, как настоящий меридинский жеребец, а они славились своей скоростью и… ценой. Я даже слышал байку о том, что какой-то богатей из южных королевств купил меридинского жеребца за серебро – весом равное весу коня. Так ему хотелось заполучить кровь легендарных скакунов.

- И тебе мирного неба, о путник, - явно кривляясь, заговорил один из душегубов. И подмигнул своим подельникам.

- Куда путь держишь, странник? – спросил другой, вёрткий и одноглазый мужичишка, который даже в седле не мог спокойно усидеть, постоянно ёрзая.

- Хочу до горизонта доехать, добрые люди, - округлил я глаза, - Чтобы посмотреть на край земли. Вот, продал всё своё состояние, чтобы купить лучшего жеребца, и еду теперь до горизонта.

- И зачем тебе край земли? – спросил первый, теперь уже явно уверившись, что встретил дурака.

- Да конь мой сказал, что там интересно, - ответил я, почёсывая макушку пятернёй: - Да и вообще любопытно.

Разбойники засмеялись, а тот, что заговорил вторым, сказал, всё так же ёрзая:

- Конь, говоришь, сказал? Забавный ты. Даже непонятно, как добрался сюда. Но я открою тебе секрет, странник! – бандит оглянулся на своих подельников и понизил голос: - На лошади никак до горизонта не добраться! Боги сделали так, что он убегает от коней. И только пешком можно дойти!

- Вот незадача, - я сделал максимально грустное лицо: - А далеко-то отсюда до горизонта?

- Не, - отмахнулся рукой первый, - Если коня оставишь, то уже к вечеру дойдёшь! Но надо налегке идти. Только человек с чистыми помыслами дойдёт до края света и увидит все чудеса его!

- Как хорошо, что я вас встретил, - «обрадовался» я, - А я вот даже не знал всего этого! Эх, какие же вы добрые люди!

Я оглядел все два десятка, поворачиваясь на жеребце. Некоторые разбойники ухмылялись, другие хмуро смотрели то на меня, то на говоривших, будто не понимая, что вообще происходит. И я затараторил быстро, будто вдохновлённый:

- Так может, мы мне ещё раз поможете? Подержите у себя моего жеребца и пожитки, пока я сбегаю туда? А я полюбуюсь чуть на слонов с черепахой, да на обратном пути заберу всё!

Первый, заговоривший со мной, восхищённо глянул на второго и только открыл было рот, но второй, явно посмышлёнее, тут же его перебил, сделав знак молчать:

- Ну, не знаю даже. У нас дел много, ехать надо побыстрее!

- Так я не бесплатно, - жалобно сказал я, - У меня две сотни динар осталось! Я вам половину потом отдам за хранение!

Разбойники, услышав сумму, равную сумме десятка обычных лошадок, оживились, но второй всё продолжал играть неуверенность. Даже вздохнул пару раз так, что у меня чуть слеза не навернулась. А потом проговорил:

- Эх, была не была, поможем! Вдруг, и нам когда помощь потребуется? Оставляй коня и пожитки, да беги к горизонту! А мы тебя тут и дождёмся. Во-о-он возле того лесочка! – и ткнул рукой, в которой зажимал нагайку, в сторону зелёных насаждений.

И тут Чучело всхрапнул, тряхнул головой и проговорил хрипло:

- Хозяин, мне кажется, что это проходимцы!

Пара лошадей разбойников от ужаса заржали, а их хозяева вскрикнули. Первый заговоривший со мной так и вовсе хлопнулся из седла на землю, но вскочил, ошарашенно глядя то на Чучело, то на второго – явно их предводителя. Лишь тот, хоть и растерялся, но вида не подал. Спросил задумчиво:

- Ты фокусник чревовещатель? Умеешь за коня разговаривать?

- Сам ты фокусник, - обиделся Чучело, и даже сделал попытку плюнуть в разбойника.

Тут предводитель бандитов уже совсем растерялся, сузил глаза и проговорил неуверенно:

- Кончал бы ты шутки шутить, странник, а то мы можем разозлиться!

Я спрыгнул с коня и развёл руки, показывая, что я ни причём . Зато вместо меня заговорил опять келпи:

- Кто с тобой шутки шутит, дурило одноглазое? – всхрапнул Чучело и заржал, имитируя смех. Разбойники молчали в ужасе, переглядываясь. А один халифатец, явно забыв, что язычник, даже осенил себя крестным знамением. А конь мой повернул ко мне голову и проговорил опять: - Говорю тебе, хозяин – проходимцы это! Давай их всех убьём!

Я сокрушённо вздохнул и проговорил одноглазому:

- Мой конь хороший, умный, но очень уж кровожадный, - я вытащил из-под седла меч и крутанул его, ощущая шершавую рукоять, - Столько народу уже уговорил убить! Твердит, что проходимцы и мир без них будет лучше!

Я посмотрел в омертвевшее от ужаса лицо одноглазого и поправился:

- Вернее, теперь уже и без вас, извините, - я пожал плечами и спросил у Чучела: - А кого первого убивать-то? Ты никогда не говоришь. А мне, сам знаешь, трудно выбор сделать!

У одного из разбойников не выдержали нервы, он заорал визгливо и кинулся к Чучелу, взмахнув ятаганом. Но келпи поднялся на дыбы и копытами сбил бандита с лошади, да так, что переломал ему все кости, и на землю упал бездыханный труп.

- Ты смотри, я их друзьями называл, а они с оружием нападают, - пожаловался я Чучелу, а тот проговорил:

- Так, а я тебе что говорю? Проходимцы!

Одноглазый соскочил с коня и проговорил:

- Не дури, странник! Нас два десятка! И конь волшебный не поможет! Забудем всё и разъедемся в разные стороны!

- Не соглашайся, хозяин, - всхрапнул келпи: - Обманет! Ему уже один глаз выкололи за обман! Убей, да и всё!

- Да что я тебе сделал, скотина? – прохрипел в ужасе одноглазый.

- Посмел его возжелать, - ответил я, начиная махать мечом…

Я объехал небольшой городок по широкой дуге, чтобы не попадаться на глаза его жителям. Там давно уже обитали халифатцы, вместо гордых, но малочисленных голубоглазых жителей поймы. И всё, что осталось от старой цивилизации – каменные дома го́рода, увешанные теперь восточными коврами, да памятник за городом, к которому я и направлялся. Именно этот памятник и был окончательной целью моего маршрута. И моим обещанием погибшему в Альбусурбе Баблеру.

Почему-то вспомнилось, как я впервые увидел этот монумент – ещё когда текла здесь полноводная река, а вокруг всё утопало в зелени. Тогда меня сильно поразило гордое каменное изваяние воина. Левой рукой статуя опиралась на треугольный щит, упёртый в землю острым концом, а вторую руку с мечом воин вытянул вперёд и вверх, указывая остриём куда-то на

вершину небольшой горы, начинающейся сразу за изваянием. Я так и не понял замысел скульптора, повернувшего воина спиной к городу, а лицом к горе, пока мне не объяснили – воин символизирует защитника, оттого и стоит спиной к городу, встречая любую угрозу.

Правда, большее изумление во мне вызвал не размер воистину огромной статуи, не его горделивая поза, а… лицо! Потому как каменный исполин лицом один в один был Баблером Лингом. Я не раз пытался потом узнать у друга, кто же изваял в его честь статую и за какие заслуги, но этот подлец всегда отмалчивался, либо отшучивался. То рассказывал историю, что спас тонувшего котёнка, и жители города решили отметить этот храбрый поступок таким образом. То объяснял, что изображён вовсе не он, а его брат близнец, утонувший в младенческом возрасте. А когда я спрашивал, каким же образом утонувший младенец превратился в мужчину, да ещё и воина, таинственно отвечал, что их просто перепутали, и потому…

В общем, с Баблером никогда не было скучно. И почти никогда не было страшно. Отважный, но осмотрительный Линг никогда зря не рисковал, но если шёл с тобой в бой, то всегда прикрывал спину. А его латные перчатки и короткий меч «кошкодёр» были настолько грозным оружием, что по силе Баблер если и уступал кому из нас, то только Рексу. Хотя, никто из нас никогда в этом не признается, конечно.

Я оставил кошкодёра и латные перчатки в специальном тайнике под изваянием, как и просил меня Баблер перед смертью, отодвинув специальную плиту. А после поднялся чуть выше по горе и расстелил попону на прогретом солнцем валуне. Достал из запасов сыр, вяленое мясо и сушёные фрукты, а также бутылку старого вина, которую вёз специально для этого случая. И, постаравшись забыть о странном Нечто, идущем по моему следу, решил помянуть своего друга.

Чучело спустился вниз и пасся возле памятника, изредка прядя ушами и поглядывая по сторонам. А стеклянный волк лёг рядом со мной, прислонившись ко мне тёплым боком и положив голову на передние лапы. Я откупорил бутылку. И, даже не напрягаясь по поводу отсутствия стаканчика, отхлебнул из горла, зажмурившись от удовольствия. Старое миосское вино из тёмных сортов винограда было чудо, как хорошо. Я медленно жевал сыр и разговаривал со статуей, чья голова как раз оказалась на моём уровне:

- Дураком ты, Баблер, был, и умер как дурак! – я вновь отхлебнул вина и принялся жевать жёсткое, как подошва вяленое мясо.

Через какое-то время посмотрел на небо, отметив, что через пару часов наступил закат, и спросил у Глупыша:

- Как думаешь – Нечто нападёт ночью?

Стеклянный волк поднял голову с лап, посмотрел на меня, мотнул башкой, отчего уши его хлопнули, и вновь пристроил голову на лапы. Будто сказал – у тебя голова больше – ты и думай, и не мешай благородному животному заниматься отдыхом. Я вновь вздохнул и снова отхлебнул из бутылки. А потом опять обратился к статуе:

- И как тебя, дурака, угораздило чужую жену соблазнить?

- Ты просто её не видел, Ино, - раздался голос Баблера, - Иначе и ты бы не устоял!

Я встал, обернулся и увидел спускающегося по склону Линга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.